

18+

Писательский клуб «Альманах»
Убить или Влюбить

Финалисты

Алия Латыпова
Убить или Влюбить.
Финалисты

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55345463
ISBN 9785449884817*

Аннотация

Убить или Влюбить? Закружить героя в головокружительном водовороте страстей или провести по извилистым закоулкам страха, почувствовать сладость искусного флирта или горечь справедливого возмездия? «Убить или Влюбить» – сборник остросюжетных рассказов, выдержанных в лучших традициях жанровой литературы. Япония, Англия, Турция, Россия – послужили яркими декорациями для историй о жизни и смерти, о верности и предательстве, о добре и зле, о мужчинах и женщинах, способных любить и ненавидеть!

Содержание

Алина Шефер	5
Анастасия Ворончихина	28
Галина Фомаиди	52
Евгения Болдырева	74
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Убить или Влюбить

Финалисты

Орфография и пунктуация авторов сохранена без изменений.

Составитель Алия Латыпова

Составитель Наталия Смирнова

Иллюстратор Анна Седова

© Анна Седова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-8481-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алина Шефер (@alisha_lifestory)

ОДНАЖДЫ В «ПАРАДИЗЕ ДЕВИ»

Берта Граго вошла в модный ресторан «Парадиз Дэви» в центре Лос-Анджелеса. Простой силуэт атласного чёрного платья и приталенный жакет подчёркивали её изящную фигуру. Кивнув официантам, она уверенно зашагала через зал, не обращая внимания на глазающих посетителей. Сегодня она заставит Дэва убрать эту чёртову Гарбо с дороги. Уговор есть уговор. Сходство со звездой играет на руку лишь в обычной жизни, а режиссёрам копии не нужны. Им нужна Грета Гарбо. Вот Берта и станет ей.

В конце зала она толкнула дверь в служебные помещения. Пройдя по лабиринту тёмных коридоров, она постучала в одну из дверей. На пороге появился морщинистый карлик и низко поклонился гостье: «Мисс Граго, прошу вас!». Она отдала ему жакет, и холодок пробежал по обнажённой до пояса спине.

Комната утопала в роскоши. Вдали тихо играл джаз. Несколько посетителей ворковали на парчовых диванах. Случайному человеку могло показаться, что они в карнавальных костюмах. Но Берта знала, что это их истинный об-

лик. Она была принята в клуб самим Дэвом и могла на равных общаться с представителями потусторонних миров.

Девушка села на высокий табурет у барной стойки. «Как всегда», – сказала она бармену-фейри с длинным носом и голубыми волосами. Престарелые бабочки-близнецы поднесли ей бокал с изумрудной жидкостью. Окинув помещение взглядом, она поморщилась от доносящихся из дальнего угла звуков лобызания и сладострастных вздохов и приготовилась ждать.

Она не знала, сколько так просидела и сколько выпила. Мысли начинали пропадать в дурманящем тумане. Но вот карлик-мажордом вновь поспешил к двери.

#Вошедший был невероятно красив. Высокий, темноволосяный, властный. Перед таким расступаются толпы, за ним следуют, лишь стоит ему слегка поманить пальцем. Дэв Илл знал, какое впечатление производит на окружающих и пользовался этим. Чёрная пантера неслышно ступала за своим хозяином. Он расстегнул золочёный ошейник, кошка выгнула спину и плавно поднялась на ноги, обернувшись черноволосяной девушкой. На ней было лишь чёрное нижнее бельё и корсет. Вихляя бёдрами, она прошла мимо Берты, презрительно изогнув губы. Как же Берта ненавидела эту бесстыжую Пэн. Девушка прошла за барную стойку и повисла на бармене.

Шеи Берты коснулось тёплое дыхание, кожу пронзили тысячи тончайших иголок наслаждения. Проворные паль-

цы прочертили дорожку вдоль её позвоночника, и дыхание на шее вдруг превратилось в нежные поцелуи и лёгкие покусывания. Другая рука медленно путешествовала по её бедру.

– Если бы не ваш внезапно появляющийся хвост, Дэв, в вас можно было бы влюбиться, – пробормотала девушка. Он слегка отстранился, дёрнул хвостом, и, ухмыльнулся:

– Попробуйте, дорогая. Вам понравится. Уверяю вас, помимо этого, с вашего позволения, атавизма у меня есть достоинства и поважней.

Берта повернулась и посмотрела ему в глаза:

– Я больше не хочу играть в ваши игры. Я сделала то, что вы просили и хочу, чтобы вы исполнили обещание и убрали с моей дороги эту выскочку Гарбо!

– Вы действительно этого хотите? – Дэв, не мигая, смотрел ей в глаза. – Зачем вам её жизнь, если вы можете разделить свою с нами? – Пэн фыркнула за стойкой, и Берте в руки тут же прилетел бокал с вином. Дэв продолжал: – Думаете, Джини, что изменив имя, вы стали похожи на Грету?

– Не смейте! Нет никакой Джини. Есть я – Берта. И я хочу получить славу и Джона! Я люблю его! – она толкнула Дэва в грудь, забыв, что держит в руке бокал. Алое пятно растеклось по белоснежной рубашке.

– Не нужно было этого делать, Джини, – прошипела Пэн, беря хозяина за руку и уводя за потайную дверь.

Карлик снова поспешил ко входу. Берта швырнула бокал на пол:

– Повторить! Дважды! – крикнула она бабочкам. Залпом влила в себя оба бокала бордовой жидкости и со злобой посмотрела на Пэн, вихляющую своим белоснежным задом. Пэм обняла нового посетителя и повела к дальнему столику, что-то нашептывая на ухо. – Джон! – ахнула Берта и упала с табурета.

Остекленевшие глаза Берты устались в любимое лицо. Джон всячески пытался привести её в чувство: брызгал на неё водой, хлопал по щекам, встряхивал... Но Берта уже унеслась туда, где не имеют значения ни боль, ни слава, ни имя, которое всё повторял и повторял человек, так и не ставший её любовником.

Провинциалка Джина Будини превратилась в актрису Берту Граго, но так и не смогла поймать звезду великой Греты Гарбо.

Сколько ещё судеб перемелются в жерновах Голливуда, не догнав свою мечту? Сколько ещё талантов будут искать помощь в закрытом клубе Дэва Илла?

АНГЕЛ

2003 год. Мюнхен

Иногда Диана видела странные сны. Из-за них она начала учить латинские языки – хотела понять, о чём говорили люди в её видениях.

Во сне рыжеватые каньоны были усыпаны лестницами,

по которым взбирались люди с кирками и заплечными мешками. Она видела, как мужчины трудились, как дрались, как падали вниз. Каждый раз она просыпалась от собственного крика. Но чаще она бродила во сне среди незнакомых чащоб. Покосившиеся маленькие лачуги, пыль, страшные, грязные люди на улицах. От мужчин несло алкоголем, табаком, женщины ругались, громко гоготали, мужчины грубо хватали их, куда-то тащили. Дети бегали стайками за облезлыми собаками. От непривычного воздуха Диана кашляла, начинала задыхаться. Но люди не обращали на неё никакого внимания.

Однажды она медленно шла по улицам довольно чистого города. Откуда-то доносились завораживающие звуки, пели люди. Девушка повернула на ритм и зашла в дом, где полукругом стояли люди, покачивались и пританцовывали в такт музыке. Посреди комнаты кружили два человека. Они то приседали и переворачивались вокруг себя, то поднимались во весь рост, пронесли вытянутую ногу над партнёром, наклонялись и снова кувыркались. Это было чудно и непонятно. Несколько человек играли на луках, к которым было привязано что-то типа тыквы. Диана подошла к ним и стала разглядывать необычные музыкальные инструменты¹. Мальчик лет тринадцати с золотыми искорками в глазах тронул

¹ Беримбау – бразильский музыкальный инструмент. Похож на лук с натянутой струной. Кроме того состоит из резонирующей тыквы, камня для изменения звука и палочки, которой извлекают звук.

её за плечо.

– Ои, кень е восе?² – Диана смущенно молчала. – Бенту, – мальчик ткнул себя в грудь. Показал на неё. – Кому восишь шэме? Энжу?³ – он широко улыбнулся. Диана покачала головой и проснулась.

1979 год. Серра Пелада

Майор Курио установил жёсткий порядок: полицейский досмотр до и после работ. Но утром один из полицейских прошел мимо Бенту, как будто тот был пустым местом. Весь день мужчина работал не покладая рук. А когда народ начал спускаться вниз, то просто остался сидеть. Ждал, пока его заметят и окликнут. Но его не хватились. Когда все ушли, Бенту перебрался на ещё не освоенный участок и начал орудовать кайлом. Он работал как одержимый, на ощупь перебирал гравий, песок, камни, почти не соображая, что делает. Вдруг в свете луны что-то блеснуло. Бенту понял, что наконец-то ему повезло.

Он рисковал ради любимых. На окраине Маробы в обветшалом домике его ждала жена Бьянка и их новорожденный сын Тадеу. Не такой жизни хотел он для своей семьи, когда поддался на уговоры и поехал пытаться счастья на прииске. Он был по горло сыт изнуряющей работой, нищетой и городом,

² «Привет! Кто ты?» (Порт. «Oi! Quem é você»)

³ «Как тебя зовут? Ангел?» (Порт. «Como você se chama? Anjo?»)

погрязшим в драках, алкоголе и шлюхах. В карьере благополучно пройти с добычей мимо людей Курио не удавалось никому. Найденное золото отбирали и делили между собой майор и его приспешники. А если что-то и оставалось, то тут же уходило на раздачу долгов с процентами, которыми были обвешаны гаримпейрос⁴.

Рассовывая по карманам золотые крупички и самородки, Бенту радовался, что они мелкие. Порой находят и стокилограммовые махины. Но разве с такой убежишь?

Он прорывался сквозь лесные заросли. Идти по дороге было слишком опасно. Светало. Вскоре он сделал привал у небольшого болотца. Смочив лицо, беглец присел на землю, достал из кармана слиток, промыл его в воде и счастливо засмеялся. Вдруг он услышал: «Куидадо!»⁵ Обернулся и снова увидел своего ангела. Прекрасная, златоволосая девушка в белом в ужасе показывала на его ноги. Он посмотрел вниз и на секунду оторопел – к нему подползала огромная гадюка-крестonosец⁶. Он отскочил:

– Обригада меу энжино,⁷ – и услышал визг ангела. У ног девушки извивались десятки гадюк.

⁴ Гаримпейро – бразильский старатель на прииске

⁵ «Осторожно!» (Порт. «Cuidado!»)

⁶ Гадюка-крестonosец или urutu cruzeiro – одна из самых ядовитых гадюк. Обитает в Бразилии.

⁷ «Спасибо, мой ангелочек!» (Порт. «Obrigado meu anjinho»)

Диана проснулась от крика. Неясные тени плыли по стенам. Хлопнула дверь, послышались шаги на верхнем этаже. Девушка облегченно вздохнула. Вдруг что-то холодное коснулось ее ноги. Она откинула одеяло и покрылась холодным потом. На кровати лежала огромная змея с крестовидным узором. Не переставая кричать, Диана выбежала из квартиры, разом перепрыгнула пять ступенек и выскочила из подъезда.

– Это вы кричали? Что случилось? – сильные руки удержали её. Она подняла голову и ахнула. Только что во сне она видела эти глаза с золотыми искорками. Она попыталась отстраниться и смутилась, вспомнив, что на ней лишь ночная сорочка. – Энжино⁸! Я всю жизнь ждал тебя. Как отец. К нему ангел приходил дважды, спас ему жизнь. Ты так похожа на ангела отца. Я покажу его рисунок. Меня зовут Тадеу. А тебя? – Диана вдруг поняла, что и она всю жизнь ждала мальчика из своего сна.

ЗВАНЫЙ ОБЕД

Дверь особняка распахивается прямо перед статным господином в сюртуке, выпуская юношу: «Михаил Аркадьевич! Моё почтение. Тоже на обед?» – «Добрый день, Анатолий.

⁸ «Ангелочек» (порт. «Anjinho!»)

Вы уходите?» – «Да, я заехал с родителями лишь проведать фон Штюльцев. А теперь мне пора».

Михаилу всегда нравился этот юноша – сын князя Распутова. Князь – его троюродный брат по отцу, а барон фон Штюльц, в дом которого он входит, дальний родственник по материнской линии. Барон недавно женился и по этому поводу Михаил отослал ему накануне несколько бутылок вина, привезённого из Божоле.

Когда Михаил Аркадьевич видит молодую баронессу, то столбенеет. Подобной красоты он ещё не встречал. Николай Иванович поистине счастливец. Называет супругу не иначе, как Мари, а она его – Николя.

За обедом Михаил очень рассеян и часто отвечает невпопад. Он не может оторвать взгляд от Мари, что весьма забавляет барона и княжескую чету. Мари сидит чуть наискосок от него, по левую руку мужа. Её звонкий смех разливается по столовой, пышная грудь вздымается в такт волшебному переливу. Михаилу неудержимо хочется коснуться нежной кожи. Он жалеет, что стол так широк и ему никак не достать коленом до её ножки, прячущейся под шелестом синего шёлка.

Но вот, наконец, обед подходит к концу, все поднимаются из-за стола и переходят в красную гостиную. Мари идёт дать указания на счёт чая. Угощать гостей собираются новым китайским сортом «Хвост феникса». Михаилу кажется, что если он проглотит хоть каплю из чашки, к которой она прика-

салась, то тут же сгорит от любви. И совсем не уверен, что возродится.

Он проскальзывает в коридор и следует за Мари. Нагоняет её аккуратно подле библиотеки, нежно берёт за руку и рывком тянет на себя, скрываясь за дверь. Мари поднимает на него глаза невероятного медового цвета и шепчет: «Мишель!» Не медля ни секунды, он начинает покрывать поцелуями её веки, лицо, шею. Его руки блуждают по нежному шёлку, сминают его, приподнимают, обнажая изящные лодыжки. Он отрывается от сладких губ. Мари прерывисто дышит. Он смотрит в её порозовевшее лицо, нежно заправляет за любимое ушко выскочивший из причёски локон, скользит взглядом вниз и утопает в белоснежной ложбинке декольте.

«Мишель! Мишель! – страстно шепчет Мари. – Мишель, вы заснули? – смеётся она, стоя в дверном проёме. – Вас давно ждут в гостиной». – Михаил вздрагивает, поднимается из-за стола и смущённо идёт за ней.

Дамы щебечут за чайным столиком. На другом конце комнаты князь что-то доказывает Николаю Ивановичу, время от времени прикладываясь к стакану с коньяком. «А! Михаил Аркадьевич, голубчик, что же вы заставляете вас ждать? – заметил вошедшего барон. – Я уж без вас отведал ваш подарок. Превосходное вино. Идите скорее сюда, плесну и вам живительной влаги» – «Благодарю, барон. Лучше угостите меня чем покрепче. Не отказался бы от хваленной вишнёвой настойки». Алкоголь чуть оживляет Михаила. Внезапно ба-

рон одной рукой хватает его за грудки, силится что-то сказать, безумно выкатив глаза, и грузной тушей падает на пол. На пару мгновений все застывают в оцепенении. В наступившей тишине жутко хрипит барон.

Михаил первым приходит в себя, развязывает барону галстук, расстёгивает ворот сорочки. «Лекаря! Срочно лекаря!» – кричит слугам князь. Мари срывается с места: «Что с вами, Николая?» Падает около мужа на колени, трясёт его, её плечо оголяется. Взгляд Михаила мечется между её декольте и красным пятном на предплечье, похожим на свежий след страсти. Барон не дышит. Мари поднимает полные слёз глаза, смущённо оправляет платье, достаёт из декольте батистовый платочек.

Княгиня уводит рыдающую Мари, Михаил с князем молча выходят в столовую. «Вам не кажется, что нашего барона отравили?» – задумчиво произносит князь. «Отравили? Но как?» – «Мне неприятно это говорить, но подаренное вами вино пил только Николай» – «Как вы смеее? – взрывается Михаил, идёт в гостиную, в которой над бароном уже склонился лекарь. Хватает бутылку вина и возвращается к князю. — Терпеть не могу вино. Пью, только чтобы доказать вам!» Он делает несколько глотков прямо из бутылки. Мужчины молча закуривают.

Перед глазами Михаила стоит образ Мари, рыдающей над мужем. Её обнажённое плечо. Платок с инициалами. А.Р? «Послушайте, Иван Алексеевич, а Мари оставалась сегодня

наедине с Анатолем?» – «Возможно. Откуда такой интерес? Уж не думаете ли вы?» Михаил не успевает ответить и оседает на пол.

«Это наш шанс, Анатолий. Вы же сами говорите, что этот ваш родственник не признаёт вино. А ваш отец, как известно, всему предпочитает коньяк» – шёпот любимой всё ещё убеждает бредущего по Синему мосту молодого князя Анатолия Распутова. Он движется в направлении Невского проспекта, хочет заглянуть на Большой Гостиной к знакомому ювелиру – прицениться к подходящему кольцу.

ШЕСТЬ РУКОПОЖАТИЙ ДО МЕЧТЫ

Когда супруги Мария и Артём Петровы решились на участие в проекте, их прельщала мысль о путешествиях и, конечно, главный приз – квартира почти в самом центре Москвы. Концепция шоу «Шесть рукопожатий к мечте» была такова: ведущий передавал паре участников письмо с заданием, жал им руку и отправлял на все четыре стороны – теперь участникам предстояло расшифровать послание, отгадать все загадки, собирая по пути подсказки, чтобы найти того, кто отдаст им следующий конверт. Щедрой рукой телевидения подсказки были рассыпаны по всему миру. Цепочка рукопожатий у каждой пары участников отличалась вплоть до последнего. Ключи от квартиры передавались самым быстрым, смелым, умелым.

Чете Петровых сначала пришлось направиться в Польшу, в небольшой городок Валбжих, недалеко от которого в подземельях замка Фюрстенштайн они и отыскивали второе рукопожатие. За третьим рукопожатием им пришлось изрядно помотаться по Латинской Америке, прежде чем они оказались в деревеньке Сан-Роке в Перу. Из перуанских джунглей Маша и Артём отправились в страну восходящего солнца, где после недели скитаний прибыли на порог маленького домика на окраине Мусасино, что на острове Хонсю. Из рук пожилой японки они получили конверт, в котором лежали гравюра с изображением тюльпана и записка с зашифрованными словами «чёрный», «первый», «вода» и «мрамор». После долгих размышлений, пара решила отправиться на родину тюльпанов, потому что иначе соединить все эти понятия в одну логическую цепочку они не смогли.

Стамбул встретил великолепной погодой. Синее небо, казалось, улыбалось им, яркое солнце щекотало своими лучами, взгляд ласкали разноцветные тюльпаны, в которых утопал город в апреле. После того, как оператор Алексей по большому секрету поведал, что другие пары застряли на четвёртом этапе, Петровых накрыла эйфория.

На радостях Маша и Артём решили не экономить казённые деньги, а подарить себе медовый месяц, которого не было. Они так близко подобрались к цели, что можно было позволить себе чуть-чуть расслабиться. Они сняли апартаменты с видом на Мраморное море, пару дней наслаждались

прогулками по восхитительному Султанахмету – центральному району города. За пару дней Маша записала себе все названия сортов тюльпанов, которые увидела в парке Гюльхане, приобрела редкие луковицы шикарных цветов и поправилась на пару килограммов. Она не могла противостоять местным лакомствам: баклажанам баялды, кебабам, лепёшкам чёзляме, сладким пахлаве и локме.

На третий день супруги прогуливались по небольшой улице, как вдруг Маша схватила Артёма за руку и указала на витрину сувенирной лавочки. Возле картины «Лунная ночь на Босфоре» стояла табличка «imeyushiy glaza da uvidit». От владельца лавки ничего не удалось добиться, кроме того, что он настойчиво советовал совершить экскурсию по Босфору. Всучил им проспекты, расписание катеров и прогулочных кораблей. Молодые люди позвонили Алексею. Он тут же примчался и заснял, как участники наткнулись на странную табличку. В одном из проспектов ребята отыскали теплоход «Чёрный тюльпан» и решили, что это знак. Виды на вечерний Стамбул со стороны пролива были восхитительны: девичья башня, крепость Румелихисар, мечеть Сулеймание, собор святой Софии, дворец Долмобахче... Маша решила, что завтра они непременно посетят этот великолепный памятник архитектуры.

Они прошли в ресторан, заказали себе изысканные блюда, вино, Артём решил даже выпить раке – местную водку. Они наслаждались поездкой и строили планы на будущее, как

вдруг мимо них прошли Аня и Слава – конкуренты на проекте. Ошеломленные Петровы догнали ребят. Те так же были удивлены встрече. Тут Артём увидел Алексея на другом конце палубы и кинулся к нему, обвиняя организаторов в нечестности. Уверенный в том, что участники не должны были пересечься, Артём буквально растолкал отдыхающих и напал на Алексея. Алексей отшвырнул его от себя. Артём ударился о стену и, шатаясь, снова пошёл на оператора. Двое мужчин попытались его перехватить, но он грубо оттолкнул их, запнулся, покачнулся, взмахнул руками и упал прямо на угол стоящего у стены столика. Дежурные врачи прибыли мгновенно. Любопытных разогнали, Артёма положили на носилки, накрыли белой простынёй и осторожно спустили на катер спасателей. Маше вкололи успокоительное, чтобы прекратить истерику. Медленно переставляя ноги, она шла рядом с врачом, поддерживающим её за плечи, и ничего не видела, кроме улыбки своего любимого мужа на фоне дворца Долмобахче.

ХОХОТУШКА ДЖЕЙН КОРНТАКСИ

#

– Нет, ну надо же! Кто бы мог подумать, правда, Колин? – хохотала невысокая Джейн Корнтакси, локтем подпихивая мужа, – Как это можно умереть от смеха? Вот уж придумала леди Шарлотта. Я так ей и сказала: «Миледи, с вашим чувством юмора можно обойтись и без менестрелей»

– Не стоило этого себе позволять, Джейн. Всё-таки леди Шарлотта согласилась представить при дворе нашего мальчика. Единственный его шанс стать рыцарем!

– Так поэтому я с ней так и общаюсь! Ты что не заметил, как она поглядывает на нашего малютку Артура? Может, ещё и породнимся.

– Какая ещё родня, Джейн? Не забывайся. Такая благородная леди никогда не позволит себе связи с простолюдином.

– Это кто тут простолюдин? – сердито тряхнула золотистыми кудряшками Джейн и снова залилась смехом. – Так и вижу, как дедуля твой сейчас в гробу переворачивается, зыряка на нас своим уцелевшим глазом! Зря, что ли, он сбежал и сто один день прятался? Стал фригольдером⁹, женился, трудился в поте лица, откладывая каждую монетку? Зря глаз, что ли, в схватке с бараном потерял? Ты отцу ещё своему скажи, что он зря как проклятый на овечьей шерсти богател, сам копихольдеров¹⁰ заимел, да нам в наследство передал? Да разве стал бы Кале городом шерсти¹¹ без рода Корнтакси? Нашёл простолюдинов! Да мы богаче самой леди Шарлотты.

⁹ Фригольдеры – свободные землевладельцы без сословной принадлежности. Если за 101 день сбежавший виллан (крестьянин) не был пойман, он становился свободным.

¹⁰ копихольдеры – основная форма феодально-зависимого крестьянского держания в Англии в 14—15 веках

¹¹ В 14—15 веках в Кале процветала торговля шерстью

#– Всё равно, не стоит с ней шутить, дорогая, – Колин Корнтакси бережно взял свою хохотушку-жену под руку и повёл в дом. В гостиной их уже поджидал малютка Артур.

К своим семнадцати годам Артур весил больше двух хандредвейтов¹², да и роста он был немалого, не менее двух ярдов.¹³ Радостно приветствуя мать и отца, он встал во весь рост и распахнул мантию, демонстрируя обновки: короткий двубортный дублет серого цвета, расшитый золотистыми и бордовыми шнурами; брюки-плундры, состоящие из двух отдельных штанин, а между ними красовался гульфик. Ах, что это был за гульфик! Всем гульфикам гульфик!

– Отче наш всемогущий! – воскликнула Джейн, уставившись на самую выдающуюся деталь костюма, выгодно подчёркивающую достоинство сына. – Боже ж ты мой! Колин, ты видел? Нет, ты когда-нибудь видел что-то более потрясающее? Наш сын будет самым красивым джентльменом при дворе! Нет, вы только посмотрите! – снова засмеялась она. – Тут и каменья, и вензель Артура, и даже вышитые розы! Розы? – Она замолчала, подняла глаза и взглянула на сына. – Сынок, а не опасны ли розы?

– Кх-кх, – откашлялся Колин. – Мама права. Сын, ты сходи-ка лучше к портному, пусть уберёт цветы. Король Эдуард, конечно, терпимо относится и к Ланкастерам и к Йоркам, но, говорят, ещё больше ценит тех, кто сохраняет нейтралитет.

¹² хандредвейт – 50,80234544 кг

¹³ ярд – 0.9144 метра

тет. Пусть эти белые и красные цветочки воюют между собой. А тебе нужно служить королю, продвигаться по службе. Глядишь и титул получишь. Джейн, дорогая, – обратился он к жене. – Не плачь, всё будет хорошо.

– Да как тут не плакать? Малыш мой Арти исчез! Стоит не юноша уже, а муж! Вот леди Шарлотта удивится нашему нарядному мальчику.

– А она меня уже видела, – пробасил Артур.

– Где видела? Когда? – одновременно спросили родители.

– У кутюра и видела. Подарок мне дала. Вуаля! – Юноша вынул из-за пазухи брошь в виде розы в тон костюму, с которой свисали атласные золотистые и бордовые ленты. – Вот, смотрите! Если сделать так, – Артур приложил брошь к паху с левой стороны, прикрывая белую розу, – можно стать своим у Ланкастеров, а так, – он переложил брошь вправо, – у Йорков. А можно и нейтралитет держать, – брошь перекочевала на самую середину гульфика, скрывая оба цветка.

– Колин! Ты видел? Ты видел, Колин, – расхохоталась Джейн, – как умна леди Шарлотта! Надо же!

– Мама. Ма-ма! Прекращайте уже хохотать. А то помрете ещё, как тот король ишпанский.

#– Шарлотта и тебе про него рассказала? – задрожала от смеха Джейн. Слезы выступили у неё на глазах. – Ну, надо ж такое придумать! Вот так леди! Менестрель, а не леди.

#Миссис Корнтакси смеялась и смеялась: и за ужином, и переодеваясь в опочивальне. И даже, когда завернулась

в простыни под боком мужа, не могла остановиться, а всё похихикивала да подвизгивала. Она смеялась даже во сне. Её муж Колин уж было занёс подушку над её лицом, так устал слушать этот хохот. Но взглянув на то, как жена счастлива, лишь вспомнил, что и полюбил-то он её за эту смешливость, покрепче обнял супругу, вздохнул и приготовился не спать всю ночь. Лишь к утру Джейн затихла. Навсегда. Как тот ишпанский король¹⁴.

МИЦКИ-ТЯН

Над рекой Намери восходила луна. Восьмилетняя Мицки прикрепляла листики аукубы к небольшим щепкам. Держа самодельную лодочку в ладонях, шептала ей пожелания для отца и братьев, спускала поделку на воду, подгоняла длинной веткой и долго смотрела вслед. Затем брала новую щепку и листочек, и всё повторялось.

– Мицки-тян, – позвала мама, – пора домой. Завтра будет новый день.

– Иду! – Девочка посмотрела на уплывающие кораблики, помахала реке и пошла за матерью.

Они жили в хижине на берегу. Несколько месяцев назад отец и братья, как и многие вконец обнищавшие рыбаки, по-

¹⁴ Испанский король Мартин I Арагонский умер в 1410 г от асфиксии, вызванной неконтролируемым смехом

дались в вокоу¹⁵. Мицки, конечно, мечтала, чтобы они лучше стали благородными самураями, про которых много рассказывал дедушка, а не морскими разбойниками, промышляющими неизвестно где.

На следующее утро девочка помогала маме и дедушке вытаскивать из сетей рыбу. Послышался топот копыт. К хижине подкатила повозка, за ней скакали два самурая. Взрослые тут же бросили сети и поспешили к гостям. Мицки пробралась следом и наблюдала за гостями из-за угла. Низко склонившись, дедушка слушал, что ему говорит богато одетый господин из повозки. Затем он что-то тихо ответил и показал рукой на хижину. Мама кликнула Мицки и велела принести свежесловленную рыбу, засемила в дом, достала воды, вчерашних лепёшек. Господин и его самураи расположились на циновках в тесноте хижины.

Мицки освободила из сети оставшихся рыб, кинула их в корзину и поволокла к дому. Корзина была не столько тяжёлая, сколько очень большая, и худенькой девочке было неудобно нести её одной. Внезапно перед ней возникли чьи-то ноги. Она посмотрела вверх и обомлела: один из самураев. Высокий, молодой и очень красивый, он напомнил ей брата. На глазах выступили слёзы.

– Не бойся. Меня зовут Харуто Такахаси, – мягко сказал воин, забирая у неё корзину. – Я тебя не обижу.

– А я – Мицки, – всхлипнула девочка.

¹⁵ вокоу – японские пираты, разорявшие берега Китая и Кореи

– Пойдём скорее, Мицки-тян. Мы очень спешим. Нужно доставить в столицу срочное донесение.

Больше он с девочкой не разговаривал. Она же украдкой наблюдала за ним, стараясь запомнить каждую черту его лица, каждое его движение, и мечтая поскорее вырасти. Тогда она сможет пойти в услужение даймё¹⁶ Хокосава Акиути и там снова увидит красавца Харуто-сана.

Через семь дней спокойный ритм жизни рыбаков вновь нарушил топот копыт. К берегу приближалась целая конница самураев. Одновременно с ними на реке появились корабли. Мицки обрадовалась и побежала встречать отца и братьев. Но с реки полетели стрелы. Монгольско-корейская флотилия¹⁷ высаживалась на берег. Сеча была кровавой. Когда чужестранец занёс над Мицки кривой нож, девочка лишь прикрыла лицо руками. Короткий хриплый вскрик и капли чего-то тёплого заставили её приоткрыть глаза, и она увидела откатившуюся в сторону голову монгола. Сильная рука схватила её, поставила на ноги, она глянула в такое знакомое, теперь разъярённое лицо Харуто-сана. Он оттолкнул её в заросли камыша, и будто издалека она услышала его голос: «Сиди тише мыши! Не высовывайся, пока не наступит тишина».

Мицки не знала, сколько времени она провела в холодной воде. Она зажимала уши руками, но всё равно слышала

¹⁶ Даймё – крупнейшие военные феодалы средневековой Японии

¹⁷ завоевания Японии монголами были предприняты в 1274 и 1281 годах

лязг металла, крики, стоны, возню. Когда девочка осмелилась выглянуть, в реке уходил под воду лишь один пришлый корабль. Берег был залит кровью, усеян стрелами, мечами, телами. Она осторожно побрела домой, едва чувствуя ноги. В хижине лежал дедушка, из его груди торчала стрела. Мицки завывала, обхватив себя руками. Маму девочка так и не нашла.

Прошло десять лет. Мицки жила в Камакуре в услужение у богатой госпожи. Однажды под вечер прибыли гости. Мицки узнала камон¹⁸ даймё Хокосавы Акиути и девичье сердце гулко забилося. Лицо Харуто-сана, которое она еженощно видела во сне, было обезображено шрамом. Девушка поняла, что любит его ещё сильнее. Вечером, когда все уснули, она пробралась к комнате, где спал даймё. Самурай дремал, прислонившись к двери, но тут же проснулся и схватился за меч. Он вопросительно посмотрел на служанку. Девушка нежно дотронулась до его шрама.

– Это я. Мицки из рыбацкой деревни. Вы спасли мне жизнь. Помните, Харуко-сан?

Славный воин стоял, не шевелясь, позволяя нежным рукам исследовать его лицо, плечи, спину. Он очень устал и обрадовался столь неожиданным ласкам.

На утро он нашёл даймё с перерезанным горлом. Поднимая меч, Харуко не сомневался в своих действиях. У самурая, не уберёгшего господина, есть лишь один выход. По-

¹⁸ японский семейный герб

следним, что он видел, вспарывая себе живот, было милое личико Мицки.

Анастасия Ворончихина

(@fairy_petelka)

НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА

Солнце палило нещадно, обжигая еле прикрытые головы, полураздетые торсы, натёртые волдырями руки и ноги. Изнеможённые труженики на рудниках Серра Пелады, словно муравьи, сновали туда-сюда. Тяжёлые мешки, взгромождённые на их тела, давили своей массой так, что порой казалось, спины разломаются пополам. Жёсткие рукояти лопат сдирали на пальцах кожу до крови. Кайла крепко прорывали каменистый грунт и иногда застревали в его глубинах. Глаза впивались в земляные недра в надежде увидеть заветный золотой блеск, который мерещился уже повсюду. За сияние драгоценного металла порой принимали даже копошащихся земляных червей или скопления известняка.

– Хорхе, что там возишься на лестнице? Поднимайся живее. Да мешок на спине поправь, не замечаешь совсем, что он сейчас свалится и потянет тебя за собой в карьеры – шею свернёшь! – небольшая группа золотоискателей устроила передышку и заполнила короткую паузу в работе лёгкими разговорами и сплетнями.

– Говорят, сеньору Маладешу вчера повезло, – нашёл две

песчинки, похожие на золото.

– Моя Карминья работает у сеньоров Батишту. Так они рассказывали, что наш Серра Пелада – такой же Клондайк, который на Аляске был, – сказал Родригу.

– А где эта Аляска?

– Иисус её знает. Но там, вроде как, тоже золото искали все, кому не лень. Давно это было.

Мужчины переглянулись.

– Кстати, насчёт этих самых сеньоров Батишту. История одна есть про них. Как раз Карминья мне и рассказывала. Пошли они к какому-то доктору. Вдвоём. Языками почесать.

– «Языками почесать»? У доктора? – переспросил Филиппе.

– Правду тебе говорю, – продолжал Родригу. – Есть такие врачи у богатых, к которым они ходят душу излить. Пришли они, в общем, к доктору. Сеньора Батишту стала жаловаться на мужа. Мол, то не так, это – не эдак. Наверное, каждый день из пятнадцати совместных лет жизни вспомнила (или сколько они там прожили, кто знает).

Редкие смешки раздались среди собравшихся. Каждый начал подсчитывать в уме, сколько сеньора Батишту – известная в округе язва в юбке – терроризирует бедного муженька. Но рассказчик тут же зашикал на весельчаков:

– Говорила-говорила, не замолкая ни на минуту. Наконец, врач этот встаёт, подходит к ней, обнимает и страстно целует.

«Уууу», – гул одобрения пронёсся вокруг. Воображение каждого нарисовало кому страстного врача, целующего сеньору Батишту, кому её мужа, побледневшего от увиденного, а кому и саму даму, которая, быть может, обвила руками шею врача и отвечала на лобзания.

– Когда поцелуй закончился, сеньора Батишту осталась сидеть, молча застыв в оцепенении. Докторишка повернулся к мужу и сказал: «Вашей жене это нужно хотя бы три раза в неделю. Справитесь?» Сеньор Батишту задумался, а затем ответил: «Ну, я могу привозить её сюда только по понедельникам. По средам я болею за Зико, а каждую пятницу сам играю в футбол».

Всеобщий смех разлетелся по карьерам, освободил, казалось, от усталости и вернул силу духа.

– Диего, поторапливайся! – активно жестикулируя, крикнул Родригу проходящему мимо пареньку лет тринадцати, а потом продолжил, обращаясь уже к группе, – вот найду большущий слиток золота и построю Карминьи дом где—нибудь на Копакабане.

– Неплохо, Родригу. Меня в долю возьми, – громко заржал Филипе.

Каждый в компании на секунду задумался о счастливой судьбе, как только найдут несметные богатства.

– А ты, Мигель, чего сегодня молчишь? – пара человек обратилась к сгорбленному худому мужчине. Его тело было усыпано ссадинами и царапинами. Лицо было бледным. Си-

дя на корточках, он сжимал руками голову и слегка покачивался из стороны в сторону.

– Ты в трансе что ли, Мигель? – слегка пихнул его сидящий рядом Карлос. От небольшого толчка Мигель как сидел, так и упал, не разгибая тела. Он не мог произнести ни слова и почти не реагировал. Ему протянули флягу с водой – он не смог глотать.

Мужчины вокруг повскакивали с мест. Родригу тормозил Мигеля, Филипе бил его по щекам, пытаясь вернуть к жизни. Карлос вылил последнюю воду из фляги ему на лицо. В голове у Мигеля раздавался монотонный звук, подобный кирке, пробирающейся вглубь мозжечка. «Тюк-тюк-тюк»... Перед глазами мелкими мушками летали и тут же исчезали золотые песчинки «Вж-вж-вж»... Вены золотоносными жилами набухли под кожей и лопались «Бац-бац-бац»... А потом тишина. Мигель так и не оторвал рук от головы. Его скрюченное тело лежало бездыханно. Измождение последних дней не прошло даром. Тяжёлые дни поиска золота и драгоценностей, долгожданные ночи в мечтах о богатстве и роскоши закончились так нелепо, в один миг накрыв чёрным саваном смерти.

«Мигееееель!» – пронеслось громким эхом по всему бразильскому Клондайку и растаяло где-то высоко-высоко вместе с несбывшейся мечтой.

ПОБЕДНАЯ ГОРЕЧЬ ВАСАБИ

Синкансен мчал её из Осаки в Токио. Наушники в ушах с релаксирующей музыкой. Бейсболка, козырёк которой почти закрывал глаза. Бесформенная тёмная толстовка с яркой надписью на английском языке. Рядом на свободном сидении чёрный открытый рюкзак, из которого торчала коробка с бенто.

Дисплей телефона засветился. Сообщение от Юки: «Ты где?»

Девушка не отреагировала. Да, она опять опаздывала. Представив, как Юки будет ругаться, грозиться увольнением, она вздохнула. Когда—то она с трудом нашла работу, о которой мечтала. Ведь Юки Чизуй в борьбе с царящим в стране патриархатом и предрассудками создала единственный суши-бар в Японии с женским коллективом и пригласила её работать в нём.

– Парень, можешь освободить место? – указывая на рюкзак, занимающий свободное кресло, к ней обратился мужчина в строгом костюме.

Она нехотя потянула сумку к себе. Бенто с шумом упал на пол. А за ним прошелестел лист официального бланка с каким-то текстом.

– Вот чёрт, – раздражённо произнесла девушка, небрежно схватив письмо, затем подбирая коробку и запихивая её в сумку. Та не поддавалась, помялась. Увидев это, девушка расстроилась и заплакала.

Мужчина посмотрел на неё, хмыкнул:

– Я думал, ты парень.

Девушка отвернулась, уставившись в окно. В руках она всё ещё держала письмо с выученным наизусть текстом: «Мияко-сама, вынуждены отказать Вам от участия в конкурсе по причине того, что Вы являетесь женщиной. Японская ассоциация суши „Eat-Japan“»

Горькие воспоминания нахлынули снова. «Что за бред? Почему в наш прогрессивный век Япония до сих пор не может уравнивать права женщин и мужчин? Передовая страна, но отсталая! Японки не могут быть умнее, сильнее, быстрее. Не могут громко разговаривать, кричать, общаться надменно или невежливо. Стыдно обращать на себя внимание мужчины своими поступками или внешностью, пригласить его в кафе, обнять или поцеловать. И вот даже суши-поваром нельзя быть. А почему? Потому что, видите ли, руки у женщин в зависимости от гормональных изменений, связанных с женским циклом, могут становиться теплее или холоднее. А это портит вкус продукта. Бред! Бред! Бред!» – она била ладонью по стеклу. Сердце жгло от негодования и обиды. Пассажир рядом делал вид, что не замечает её состояния.

И вдруг вспышка! Слова мужчины всплыли радостным озарением.

– Я действительно похожа на мальчика? – без вступления, забыв о приличиях, спросила Мияко.

Мужчина бросил на неё небрежный взгляд и шикнул ис-

подлюбья:

– Парень и есть.

Мияко просияла: «Я буду участвовать в этом турнире лучших поваров! Я стану одним из семи самураев суши».

Она быстро написала сообщение Юки: «Прости, скоро буду! Я придумала, как мне участвовать в турнире, – переоденусь мужчиной».

«Это глупо» прочитала Мияко в ответ.

Рациональная Юки опять пыталась обрезать ей крылья. Но на этот раз у неё всё получится. В голове пазл за пазлом складывалась мозаика плана. Она регистрируется на конкурс под именем младшего брата и с его документами, благо они с Дзиро очень похожи, проберётся на отборочный тур. А там уж Мияко поймает удачу за хвост. Она была счастлива. В эмоциональном порыве даже хотела расцеловала попутчика, сидящего рядом, но сдержалась.

* * *

Прошло полгода. Настало время для Eat-Japan Sushi Awards. Под чужим именем Мияко Абэ тур за туром успешно участвовала в суши-фесте. Сашими, нигири, темаки, урамаки... Раунд за раундом она выигрывала и проходила дальше. Юки Чизуй была рядом, поддерживала, подсказывала советом. Она была известна в мире суши-мастеров, поэтому её присутствие постепенно стало для окружающих подозри-

тельным. К Мияко стали присматриваться.

Наконец, в день объявления призёров Мияко услышала имя: Дзиро Абэ. Эмоции, которые она переживала в момент восторга и эйфории от победы, зашкаливали. Но вдруг сквозь овации в публике раздался крик:

– Прекратите этот цирк! Вы назвали среди семи самураев суши того, кто на самом деле женщина! Посмотрите на Дзиро Абэ.

Толпа неодобрительно загудела, взгляды все как один впились в Мияко. Ещё секундой ранее перед ней открывались все двери. Её боготворили. Назвали мастером. А теперь словами неизвестного завистливого злопыхателя, Мияко безжалостно, публично освистали. Девушку обдало ледяным душем и одновременно обнажило. «Это глупо» откуда-то из подсознания перед глазами выплыло давнишнее сообщение Юки. Мияко, бросив поварской колпак, стремглав убежала со сцены. Юки, пробиваясь через толпу, пыталась за ней успеть.

Ворвавшись в подсобку, не помня себя, Мияко схватила первую попавшуюся банку с соусом. Это оказался васаби. Давясь, Мияко глотала ложка за ложкой. Внутри всё обжигало огнём, но девушка не останавливалась. Она не замечала ни слёз, стекающих по щекам, ни криков Юки, зовущей её откуда-то издалека. В груди нещадно жгло, пульс зашкалил, дышать стало трудно. Закружилась голова и Мияко упала. Юки обнаружила коллегу, лежащей на полу со следами ва-

саби на губах.

– Мияко! – трясла она девушку. Та не реагировала. – Что же ты наделала? Зачем? – Юки прижала бездыханную Мияко к себе и плакала.

СЛОЖНОЕ ПРИЗНАНИЕ

– Ваше последнее желание? – обратился палач к жертве. Преступник молчаливо вытянул руку и разжал кулак. На ладони лежала скомканная записка.

– Вы прочтёте её публике? – как можно хладнокровнее произнёс палач, окинув взглядом присутствующих зевак.

– Нет, – едва слышно произнёс приговорённый к казни. – Она предназначена только Вам. Прочтите её в одиночестве.

Публика разочарованно гудела, передавая слова вглубь толпы тем, кто не расслышал. Не узнать последние мысли преступника, не посудачить о его предсмертной воле было настоящей пыткой для зевак. «Вот бы выкрасть бумажку», «Вот бы хоть глазком посмотреть», «Да ты же и букв-то не знаешь?» – слышалось то тут, то там.

Это была сложная во всех отношениях казнь. Палач карал не только преступника, он убивал своего хорошего приятеля. А ещё...

Тёплое июльское солнце, которое слепило глаза тем утром, вечером уступило место холодному проливному дождю. Таков он, английский климат.

Ливень ретиво сёк стены домов и землю, превращая её в месиво грязи. Ветер ревел, выл, гудел. Сырость накрыла всё кругом. За дождём не видно было домов, деревьев, редких путников. Генри Ньюнгтон шёл к той, кого считал своей голубкой, кого любил всем сердцем, с кем делил ночлег и придавался сладострастию. Он шёл медленно и даже не пытался бороться с непогодой. Генри скривился на один бок, склонив голову вправо и прижимая руку в локте. Резкая боль рвала плечо. Она давала знать о себе всякий раз, когда Генри собственноручно совершал казни над государственными преступниками.

«Именем королевы Елизаветы I Вы приговариваетесь...» – привычные, ставшие обыденными слова последнее время всё чаще звучали в его ушах, не давая уснуть. «Твоя душа требует покаяния», – сказал ему недавно пастор, когда увидел грузное тело Генри, сидящего у эшафота и обречённо глядявающегося в тяжёлые грозовые облака. Тогда палач только отмахнулся. Но, может, священник прав?

Сегодня он «именем королевы Елизаветы I» жестоко и бессердечно лишил жизни того, кто готовил ему целебные мази, чтобы облегчить телесную боль, а иногда мило с ним беседовал. Королева Бесс была всегда непреклонна, когда ей нашёптывали о заговоре в покушении на жизнь. Так слу-

чилось и на этот раз: поверив придворным интриганам, что лекарь королевы Родриго Лопес намерен её отравить, врача приговорили к смертной казни. Гнев правительницы достиг апогея, и она, истинная протестантка, припомнила верному подданному даже то, что он был португальским евреем. Елизавета не пощадила Родриго Лопеса. Его приговорили к повешению.

* * *

«Генри, мазь от боли в руке сделает моя младшая сестра Сесилия. Она знает толк во врачевании. Я научил её. Только не выдайте эту её тайну, чтобы не повлечь новой беды. И не дайте ей умереть от нищеты. Родриго Лопес».

Слова в записке прокручивались в голове снова и снова. Они больно резали по сердцу. «Откуда он знал, чья рука его покарает?» «Как мне быть с Сесилией?» «Хорошо, что её не было сегодня у эшафота». Он неистово качал головой из стороны в сторону, будто хотел вытряхнуть тяжёлые мысли. Но они не отпускали.

* * *

Спустя время, Генри остановился у двери небольшой хибары. Провёл ладонью по мокрой древесине. Стиснув зубы от боли и страха, закрыв глаза и сжав кулак, Генри постучал. Дверь отворилась не сразу. Генри, с которого потоками сте-

кала вода, мешкал. Перешагнув, наконец, порог дома, вдали он увидел силуэт женщины, еле различимый из-за тусклого света от окна.

– Ты пришёл сегодня? Я не ждала, – ответила женщина, тихо всхлипывая.

– Мне жаль твоего брата, – услышала она в ответ.

– Ты знаешь о его смерти? Ты присутствовал на казни? Что он сказал напоследок? – с надеждой в голосе спросила женщина.

– Он... Родриго..., – запинаясь, начал Генри. – Он не сказал ничего.

Генри подошёл к любимой и обнял её. Она, вжавшись в него, плакала. Генри смахнул её слёзы тыльной стороной руки. Плечо ныло. От боли Генри непроизвольно застонал.

– Что произошло? Тебя били? – забеспокоилась женщина. Она метнулась в сторону за склянкой с дурно пахнущей мазью.

Генри покачал головой. Он молчал, собирая всю волю в кулак.

– Ты умеешь читать? – скрип, а не голос, вырвался из груди.

– Нет, – слышалось в ответ.

Генри вынул из нагрудного кармана шитой рубахи смятый клочок бумаги. Дождь смыл в нём часть текста. Женщина бросала взгляд то на записку, то на Генри:

– Что там, ты знаешь?

В горле пересохло. Генри с трудом сглотнул слюну. Он опустил голову и еле слышно прошептал последние слова Родриго. А потом, отвернувшись, боясь встретиться с ней взглядом, сквозь зубы процедил:

– Я – палач. Сесилия, прости!

Он упал перед ней на колени, прижался лбом к ступням и завыл. Она взвизгнула, вскинула руки, хотела дёрнуться. А потом упала рядом. И зарыдала.

ТУРЕЦКИЙ ПОЦЕЛУЙ

Самолёт снова привёз Оксану в Стамбул. Девушка вдохнула турецкий воздух, такой любимый и желанный, и закричала, что есть силы: «İstanbul, seni seviyorum!¹⁹»

Да, она снова призналась Стамбулу в любви. И любила она его, как мужчину, сильного, как скала, проверенного веками, такого аутентичного. Пройдя однажды четыре года назад по улице Истикляль, задержавшись на площади Таксим, и спустившись к Босфору, у неё завязался настоящий страстный роман со Стамбулом, горящий в её сердце, словно ночные огни на Галатской башне. С того времени Оксана стала считать этот город своим тайным любовником. Он поглотил её здравый смысл и разум, обнимал закатами и рассветами, ласкал ароматами свежего турецкого кофе и сладчайшими кюнефе и лукумом, обволакивал живой музыкой и еле уло-

¹⁹ İstanbul, seni seviyorum! (*тур.*) – Стамбул, я тебя люблю!

вимым шумом моря. Была бы её воля, она бы осталась в этих объятьях навсегда.

«İstanbul, seni seviyorum!¹» Оксана давно выучила турецкий. Ей казалось неправильным любить Стамбул, не зная его родной язык. Пока такси везло её до Гранд Базара, она всматривалась в любимое лицо города. Вот продавцы мороженого и стрит-фуда, подобно циркачам, развлекают туристов. Танцуют, поют, зазывно кричат, веселя детей и прохожих. Вот зазвучал громкий призыв на азан. Вот парочка мужчин-турок. Страстными, чёрными, как ночь глазами, они провожают такси, в котором едет Оксана, раздевая её взглядами. Ах, Стамбул, как ты прекрасен.

«Приехали. Гранд Базар!» – услышала Оксана голос таксиста. Расплатившись, она выпорхнула из автомобиля и растворилась в толпе прохожих, туристов, продавцов. Прошла несколько зданий, перебросилась парой фраз с местными торговцами, а потом Оксану неожиданно остановила пожилая дама. Скрюченная, морщинистая, с неприятной бородавкой на длинном носу. «У нас бы тебя Бабой-Ягой прозвали», – усмехнулась про себя Оксана. Старушка тянула девушку за рукав и что-то без умолку говорила. Оксане не хватало знаний турецкого, чтобы понять, о чём идет речь, но она всё же последовала за ней. «Может, что-то случилось?»

Они зашли в узкий проулок. Всюду валялся мусор, на окнах развешаны тряпки. Старушка открыла перед Оксаной скрипучую дверь. Уютная, еле освещённая комната. Мягкий

ковёр на полу, горящие свечи повсюду. Пожилая дама пригласила Оксану сесть на старую продавленную кушетку, потом предложила кофе. Девушка согласилась. Старушка колдовала над ароматным напитком и приговаривала:

– Я могу предсказать твою судьбу. Святой Фарутх указал мне на тебя.

Оксана засмеялась:

– Бабушка, мне не надо гадать, я в это не верю.

– Святой Фарутх сказал, что тебя нужно предупредить.

– Да что за Фарутх ещё? – Оксана начала закипать.

Старушка приложила сухой трясущийся палец к губам, предостерегая от громких звуков. При этом другим пальцем она указала на небольшую фигурку из слоновой кости, стоящую на комодe напротив.

– Тссс, деточка. Святой Фарутх не любит, когда ему перечат. Тебе что-то угрожает.

– Ладно, давай, только живей, – сдалась Оксана. – Не хочется тут задерживаться надолго.

Довольная старушка сняла турку с огня, налила в чашку кофе.

– Пей! А дальше посмотрим...

Оксана сделала глоток, другой. Такой вкусный кофе ей ещё не доводилось пить.

– Кофейная гуща говорит, что ты должна бояться эльфов. Крупинки из их рук могут стоять тебе жизни.

– Ясно. Спасибо, бабушка. Я пойду. Я поняла, – как мож-

но спокойнее сказала девушка и постаралась поскорее бежать от колдуньи.

«Сумасшедшая бабка! Это же надо! Эльфы! Крупинки! Ну и бредятина! Говорила мне мама: «Не связывайся с цыганками». Такой раздражённой она уже давно не была. Злилась больше на себя и на свою доброту и отзывчивость, и успокоиться смогла только при виде вагончика с горячими кунжутными бубликами. Запах свежей выпечки одурманил, а предвкушение хрустящей корочки на языке довёл до кулинарного экстаза.

Оксана подошла к лавочнику, купила у него несколько бубликов и только хотела достать один, как столкнулась с четырьмя девочками лет восьми с белоснежными крылышками за спинами. От неожиданного толчка пакет с булочками упал на землю, а одна из девчушек подняла его и вернула Оксане.

– Спасибо тебе, ангелочек! – произнесла Оксана. Она умилялась нежной красоте и откровенным улыбкам девочек-эльфов. Те держали в руках светящиеся тросточки и махали ими перед Оксаной, словно волшебными палочками. При этом весело смеялись и пританцовывали. «Какие вы милые, девочки. И как вам идут эти костюмы ангелов» – улыбалась им в ответ Оксана.

Продолжая наблюдать за девочками, девушка достала один бублик. Едва откусив его, она неожиданно вздохнула и стала задыхаться. Небольшой кусочек бублика попал в гор-

ло и застрял, не давая возможности дышать и даже кашлять. Кислорода не хватало. Оксана посинела, осела, вцепившись в горло. Стамбул, её тайный турецкий любовник, начал целовать сильнее и сильнее. Прижал к себе, вцепился мощной энергией красоты, духовности, религиозности, которой был наполнен сам, и уже не выпустил из смертельных объятий, оставив влюблённую женщину навеки у себя.

«İstanbul, artık sonsuza dek seninim!²⁰» – воодушевлённо кричала её душа.

ДЕВОЧКА С КОСИЧКАМИ

Джон Гейбл развернул рабочее кресло спиной к двери и принялся медленно пролистывать хрустящие страницы свежей «Los Angeles Daily Tribune» от 14 октября 1922 года. Как обычно, остановился на колонке с новостями культуры. Газетчики писали об открывшемся в Лос-Анджелесе «Египетском театре», об успехе фильма «Робин Гуд» с Дугласом Фэрбенксом в главной роли. И опять ни слова о нём.

– Вы тоже верите, что Голливуд постепенно становится столицей киноиндустрии, сэр? – над головой Джона раздался женский голос. Он даже не заметил, как в его кабинет вошли. Взгляд мужчины начал не спеша подниматься вверх. Джон практически не заострил внимание на женских туфлях с закрытой шнуровкой и лишь бегло скользнул взглядом

²⁰ İstanbul, artık sonsuza dek seninim! (*тур.*) – Стамбул, теперь я навеки твоя!

по светло-коричневому платью с заниженной талией с пышной подбороженной юбкой до середины икры. Зато остановился глазами на тонких пальцах левой руки без единого кольца, которые мило теребили длинную жемчужную нитку, свободно спускающуюся на грудь. И вот, наконец, его взору предстало худое женское лицо.

«Кого она мне напоминает? Снималась в эпизодической роли у Дэрека?» И вдруг озарение.

– Саманта, крошка! – радостно закричал Джон, узнав в незнакомке младшую сестру бывшего одноклассника Майка. Он вскочил, не обращая внимания на упавшую газету, и крепко обнял женщину, которая лет десять назад озорно прыгала через скакалку на заднем дворе, пока они с другом зубрили арифметику. Её тонкие тугие косички с вплетённой белой лентой взмывали выше неба. А мама громко кричала из кухни, ругая дочь: «Саманта, немедленно опусти юбку, бесстыдница! Негоже девочке задирать платье, выставляя напоказ икры». Помнится, та покорно опускала подол юбки. Он волочился по пыльной тропинке и исчезал в дверях дома.

– Какими судьбами в Лос-Анджелесе?

– А, – вздохнула Саманта, махнув рукой. – Приехала попытать счастье в актёрстве. Сейчас же всех берут в актёрки, ведь так? – она нервно сплетала пальцы между собой, иногда хрустела костяшками. То подносила ладони к лицу, то поправляла руками идеально сидящую шляпку-клош, кото-

рая плотно облегла её голову и удачно сочеталась с короткой стрижкой. Джон пристально смотрел на Саманту.

– Миссис Браун, что случилось? – спросил он.

– Неа. Уже не Браун, – ответила Саманта, как можно сильнее прикусив губы, чтобы не разрыдаться. – Я сбежала от мужа, Джон. Ему... Он... – она нервничала и не могла сформулировать мысль. – В общем, его арестовали. Крэг перевозил на себе через границу фляги с самогоном. Ну и попался.

– Крэг, что, бутлегер? – переспросил Джон.

– Да. Продажа нелегального алкоголя приносила неплохие деньги. Но ему сели на хвост. А мне он сказал бежать, чтобы и я не попала под подозрение.

– Ты?

– Всё нормально. Как сам? – Саманта лихо перевела тему разговора.

– Неплохо. Подрабатываю сценариями для низкопробных фильмов. Живу один с собакой. Кофе будешь? Извини, спиртное предложить не могу.

Саманта улыбнулась.

– Ясно. «Сухой закон» Соединённых Штатов коснулся даже развратного Голливуда.

Джон пожал плечами.

– Я могу кое-что предложить, если, действительно, хочется выпить, – сказала Саманта.

На этих словах она слегка наклонилась, стала ловко задира́ть пышную юбку платья и что-то искать то ли в подо-

ле, то ли на ноге. Шляпка соскользнула с головы. Саманта не придавала этому никакого значения. Зрелище одурманило Джона. Шелест одежды, тонкие пальцы, скользящие по манящим икрам и исчезающие где-то у бедра. Тут же взмыли вверх тугие косички. Послышался залиvistый девичий смех. Показались красивые открытые икры, прыгающие через скакалку. Джон инстинктивно приблизился к Саманте, вдохнул её запах, почувствовал тепло тела. Его обдало жаром.

– Ты что-то ищешь? Тебе помочь? – вкрадчиво спросил Джон и притянул к себе девочку с тугими косичками. Саманта не отпрянула и позволила себя поцеловать. В губы, в шею, в ключицу. Рука Джона скользнула вниз, неспешно пробежала от колена до бедра, задержалась на поясе чулок и дёрнула за ленту-подвязку. На пол лёгким перышком опустилась небольшая записка, свёрнутая в трубочку.

– Вот она! Нашлась! – обрадовалась Саманта, отстранилась от Джона, наклонившись за бумажкой. – Я уж думала, она исчезла.

– Что это?

Саманта светилась счастьем. Она развернула записку, которая на деле оказалась обычным бланком для рецептов, и ткнула указательным пальцем на одно из слов: «Виски».

– Согласись, у меня гениальный доктор. Теперь у нас будет спиртное. Легально. Где у вас тут ближайшая аптека?

Джон засмеялся, снова обнял Саманту. Мелкие поце-

луи-горошины рассыпались по лицу и шее и исчезали в потаённых женских изгибах. Джона манила эта девочка-женщина.

ПОД ЗВУКИ МАЗУРКИ

Старенькая карета кряхтела. Варенька не могла усидеть на месте. Ехать было всего пару кварталов, но почему-то время не спешило – застревало на каждой колдобине на мостовой. Петербургские особняки вросли в снег и казались молчаливыми. «Какие они мрачные, эти дома? Оделись в тусклые серые цвета и не понимают, какое счастье кругом, не замечают ярких красок, равнодушные громадины». Варенька даже сначала обиделась на скучные здания, рассматривая мельком подол своего платья цвета пыльной розы. А потом забылась, вдохновлённая предстоящим событием. И пусть Петербург серый. Пусть морозно и выюжит. Пусть маменька хандрит. Ничто сегодня не может испортить её радостного предвкушения чудес. Бал. Она едет на первый бал. Улыбка не сходила с её уст.

Карета, наконец, остановилась у особняка графа Муравьёва. Варенька влетела в дом. Окрылённая и воодушевлённая антуражем, она остановилась в парадной перед огромным зеркалом. Улыбнулась своему отражению. Разгладила ленты на платье, поправила бутон розы, изящно приколотый к поясу. И только хотела подняться вверх по широкой лестнице

туда, где собрался весь бомонд, туда, где она увидит роскошные наряды и услышит первые звуки, приглашающие на полонез, в зеркале что-то мелькнуло. Мужской силуэт. «Нет, просто показалось – это всё от волнения», – успокоила она себя и взлетела по лестнице вверх.

В огромном, освещённом тысячами свечей зале под сводами рифлёных колонн она сначала замешкалась. Мундиры, ментики гусар, влитые фраки гражданских, обнажённые женские плечи в роскошных туалетах. Дрожь пробежала по всему телу. Ватные ноги едва смогли сделать робкий шаг вперёд. Негромкий шум, полупоклоны, едва уловимые улыбки. Она выдохнула, пытаясь справиться с волнением.

«Позвольте пригласить Вас на мазурку, юное дитя!» – она услышала бархатный мужской голос.

«Это мне? Это меня?» – Варенька непонимающе взглянула на гладко выбритое лицо с узкой полоской идеальных усов над верхней губой. Перед ней стоял молодой адъютант.

«Да-да, конечно», – кричало сердце внутри, а тело только ответило лёгким реверансом в знак согласия. «Как его зовут? Ведь он представился. А как мне потом его найти?» – мозг сыпал волнительными вопросами. Варенька приглашена на мазурку. Душа торжествовала. «Маменька будет счастлива. Какой кавалер! Какая партия для неё».

Грянул полонез. Первая пара, вторая... И закружилось. Парадный танец соединил руки, перемешал лица, одурманил торжественностью. Постепенно череда танцев сменяла

друг друга: вальс, венгерка, краковяк, падепатинер... «Когда же, когда мазурка?» Варенька хоть и была приглашена на некоторые из танцев, ждала, конечно, именно мазурку, всегда считающуюся душой бала, поводом для толков и пересудов, почти провозглашением о новых свадьбах. «Только как же его зовут? Ведь представлялся же!»

И вот она, танцевальная королева судеб, зазвучала.

«Где же он? Где?» – Варенька искала глазами адъютанта. Его не было в зале. Она принялась искать того, кем было занято сердце. И нашла. В соседнем ломберном зале среди игральных карт и мужских разговоров. Адъютант даже не вспомнил о своём танцевальном обещании.

«Это позор!» – Варенька вся в слезах, не помня себя, стремглав выбежала из зала. Частые ступеньки вниз и вот она уже в одинокой парадной, которая в начале вечера дарила столько надежд. Едва бросив взгляд на зеркало, Варенька ужаснулась. Она не видела своего отражения, но зато смотрела сквозь амальгаму в лицо того самого адъютанта, предававшегося наверху игре. В руке он держал ленточку с бубенцом и манил её, приглашая на танец. Девушка, еле дыша, прильнула к зеркалу и очутилась там, где звучали чарующие звуки мазурки. Адъютант склонился к нежной ручке своей дамы, к её благоухающему телу и, вдыхая аромат чарующих духов, пригласил сделать первые танцевальные па. Их завлекла мазурка. Поворот её головы дразнил кавалера. А он, то щёлкая шпорами, то кружа свою даму, то падая

на одно колено и заставляя её танцевать вокруг себя, выказывая свою ловкость и воображение, показывал её, Вареньку, во всей красе и управлял её волей. Какой это чувственный танец. Какой это чудный момент. Варенька трепетала, слегка смущаясь доселе неведомого мужского взгляда и пьянея от его изящных слов. Но вот финальный аккорд взметнулся вверх на высокой ноте, а потом толчок – и Варенька оказалась снова в пустой парадной по ту сторону зеркала. Зарёванная, печальная, истерзанная муками любовной истомы. Она трогала холодное стекло, вглядывалась в каждый миллиметр висящего зеркала, но тщетно. Адьютанта не было.

– Милая, что с тобой? Куда ты исчезла? – услышала Варенька голос маменьки.

– Я не могу туда вернуться, мне стыдно. Тот адъютант... Он забыл про меня.

– Политес не нарушен, милая. Черёд мазурки не пришёл. Это волнение. Это прощительно в первый раз, – маменька нежно поцеловала Варю в макушку. Девушка смущённо улыбнулась.

Галина Фомаиди (@hishnitsa_neba)

ПИСЬМО, КАК ШАНС

Ворота со скрипом отворились. За ними дорога, ветвистым деревом, разделялась на десятки троп, разбитых колес, заполненных водой.

Фигурка в промокшем платье, липнувшем и стремящемся оголить ноги на каждом шагу, оказалась в мире, что смотрел на нее с экранов кинотеатров. Каблуки туфель проваливались в коричневую жижу.

Чернила на листке говорили о номере двадцать шесть. Где его найти, когда вокруг ни души, а на вагончиках висят замки?

– Эй, миссис, Вы, случайно, не заблудились? – раздалось за спиной.

– Простите, мистер, мне пришло письмо с приглашением на пробы, – девушка протянула конверт.

– София Скотт?

– Да, это я.

– Но такого номера у нас нет. И имя Вильям Адамс не припомню... Пойдемте, я провожу Вас в павильон.

– Мистер Смит, простите! Миссис Скотт, по приглаше-

нию.

Грузный человек с сигарой во рту, обернулся, пустив колечки дыма в лицо вошедшим:

– А, Джонни! Я разберусь! Ступай! Миссис Скотт, выйдите на свет, мы вас так ждали!

Софи сидела на расправленной кровати, полупрозрачный пеньюар, опадая складками, оголял сжатые колени, аппетитные бедра и высокую, сочную грудь. Свет рамп слепил и жёг, как и десяток глаз, жадно впивающихся в ее тело.

– Раскованней, Сиси, тебе же не впервой!

– Я не...

– Работай!

Декорации распахнулись, пропуская на площадку статного мужчину в сером костюме. Закусив губу, София, протянув к нему руки, встала.

– Стоп! – зарычал режиссер, – детка, ты должна быть рада! Перед тобой муж! Так встретить его подобающе! Или у тебя перед ним грешок?

Сдавленный смех по павильону.

Дубль за дублем мистер Смит все больше зверел. Актриса выматывала нервы своими выходками:

– Сиси, это никуда не годится! Что с тобой?

– Я не Сиси! Меня зовут София!

– София? Но ведь ты по приглашению?! Покажи мне письмо!

Через минуту разнесся новый шквал:

– Что за Адамс? Это что за шутка? Откуда печать нашей компании?

– Простите! Я нашла это в почтовом ящике. Но всегда мечтала попасть в кино...

– Актриса с тебя никакая!

– Прошу вас!

– Хочешь остаться? В углу найдешь тряпку и ведро. Обязанности объяснит техник.

София сидела на нижней перекладине стремянки и размазывала по лицу грим со слезами.

– Эй, ты чего? – к девушке подошёл парень в рабочей кепи, вытирая руки о штаны, и присел на корточки.

– Письмо. Ведь оно пришло мне! Чья это насмешка?

– Ерунда! Кто играет, решает не Смит. Это дело продюсера. Я часто вижу тебя в кафе. Поверь, ты затмишь половину этих актрисок, только научишься быть смелее. Я достаточно тут насмотрелся! Если хочешь, помогу тебе. Кстати, Билли!

София еле заметно улыбнулась:

– Будем знакомы!

Город сиял огнями, пряча звездное небо. Изредка мимо проезжала, ослепляя фарами, машина. Двое шли по полуночному Лос-Анжелесу. Беззаботный смех звоном задевал стены зданий.

– Ох, Билли, как хорошо, что мы встретились!

В этот миг София качнулась на каблучках. Крепкие руки схватили за талию. Глаза Билли оказались совсем близко.

Губы мягко коснулись губ. Лицо парня поплыло перед глазами, сердце застучало не в такт, что-то внутри сладко заныло и ноги перестали ощущать под собой землю.

«Боже, меня сводит с ума его запах! Как бы мне хотелось, чтобы этот поцелуй длился вечность. Билли, милый Билли, обними меня крепче... Только не отпускай меня... И, все-таки, если б не то письмо...» – мысли обрывками облаков проносились в голове Софии, время потеряло значимость и растворилось в этом одном долгом поцелуе.

Утро раскрашивало окна розовыми бликами. Софи лежала на груди спящего Билли, играя бесцветными волосками на его груди.

Этой ночью ей снилось ее детство. Снилось, как она, незаконнорожденная, с матерью, оказалась на улице. Голодные дни и ночи, когда все, имевшее хоть какую-то ценность, было распродано, а случайных заработков едва хватало на съёмный угол в трущобах. Как однажды она попала чудом в кинотеатр и увидела прекрасную жизнь в черно-белом немом кино. И вот, ее мечта свершилась, пусть пока не совсем так, как хотелось, но она попала в святая святых и встретила человека, рядом с которым грусть сбегала без оглядки.

Рабочий день готов был начаться с минуты на минуту. София шагнула за скрипящие ворота.

– А, мисс Скотт? Распишитесь, пожалуйста, в журнале прибытия, – широко улыбнулся вчерашний охранник.

– Пожалуйста, Джонни!

– А ведь вы сами написали то письмо, ведь так? Я, в прошлом, сыщик, мисс. Подчерк ваш. Что мне будет за молчание?

МЕСТЬ

Лукас сидел, устало привалившись к одинокому, чудом еще живому, дереву, на краю карьера. Солнце уже погрузило свои лучи в землю. В глубине ее раскрытой утробы ворочалась вечерняя тьма. Последние гаримпейрус выбирались на поверхность. Ноги подкашивались, но, блестящие на фоне измазанной кожи глаза, искали спутницу на ночь.

– Эй, Лукас, смотри! Свеженькая птичка залетела к нам, – показывая пальцем в сторону хибар, хмыкнул, подошедший Густаву.

В толпе встречающих куртизанок, надменным выражением лица выделялась девушка в топе и короткой юбке. Смуглая кожа была покрыта красными и черными узорами. Ярко очерченные губы, будто светились спелыми вишнями.

– Хороша! – причмокнул Лукас, – попробовать бы эту индейскую ягодку...

Грузно поднявшись, облизывая потрескавшиеся губы, он направился к толпе предлагавших себя женщин.

Руки обвили шею, скользили по груди, тянули ремень, только парень не замечал смелых действий тех, кого он познал уже не раз. Та, которую он желал, не шевелила и паль-

цем, лишь подперев бока тонкими руками и кривя губами, щурила глаза.

– Хэй, синьерита, смотрю, Вы впервые в наших трущобах? Не хотели бы познакомиться с нашей жизнью в моей компании? Я сегодня богат! Очень богат, синьерита! И уже влюблен в Ваши прелести по уши! – Лукас схватил индианку за обнаженную талию и прижал к своему грязному телу.

Среди куртизанок прошел язвительный смешок. Но ни один мускул не дрогнул на лице девушки, в отличие от тела. Тело было похоже на сплетенье стальных канатов под жаркой кожей. Запах мускуса обволакивал и пьянил, не позволяя оторваться.

– Пойдем, красotka, пойдем, – срывался голос грязного гаримпейруса на хриплый шепот, – как зовут тебя, синьерита?

Ни звука не проронила в ответ индианка, пока сильные руки Лукаса увлекали в кривую хибару.

Дверь халупы захлопнулась в момент, когда красotka, легко взмахнув руками, откинула парня в дальний угол. Глаза ее запылали красным светом, заставив забыть о похотливых желаниях:

– Ты, грязная свинья! Ты уже забыл, как несколько недель назад поймал на берегу застрелил мальчишку! Это был мой брат! Маленький мальчик! Думал, что расплата не придет, если не видели люди? Ты забыл, что вокруг ветер, солнце, земля и вода! И все они стали свидетелями! – голос девушки

ки гремел громом. Стены растаяли, заполнив все молочной ватой. Только Лукас и чертовка, притворившаяся доступной девкой.

Внутри парня все дрожало. Перед глазами неслись обрывки случившегося. Как пьяным, он принял ребенка за животное, как выстрелил, а потом бежал, то хохоча, то вскрикивая. Комок раскаянья колот горло. Поздно. Тянулись пальцы девушки, врвались в голову. Последняя вспышка мелькнула и затухла навсегда. Тело обмякло и свалилось на бок.

Ночь в поселке старателей огласилась бессвязными криками. Из хижины выполз Лукас. Но пустые глаза не узнавали собравшихся, уши не слышали. Безумие расплавало мозг. Лукаса, того, каким он был несколько часов назад, уже не существовало.

НА ОКРАИНЕ ЖИЗНИ

Темная улочка, как рябая собака, рыжела пятнами тусклых окошек изб. Актинья устало плелась по влажной утопанной земле, тяжело прогибаясь под коромыслом с полными ведрами.

Ветер гнал сухие листья, бил в худую спину, укутанную драным платком, охлаждал голые ноги, выбивал волосы из-под косынки.

Сколько годков было Актинье? Сама сбилась. Отупела от беспросветной работы, голода и раздирающего кашля.

Уже и лица, оставленных на стариков детей, забыла. Только имена шептали истрескавшиеся губы – «Манька», да «Игнат». Живы ли? Не знала о том Актинья.

Так и волокла ноги, блуждая в своих скудных мыслях.

Вырвал из них резкий вскрик, да удаляющийся топот добротных сапог. Ахнуло сердце Актиньи вниз, застучало в животе, будто в пустой кринке. Бежать бы, да ноги не послушались, готовые подкоситься, уронить бабу.

Вдруг убили там кого? Сжималась от жалости душа Актиньи. Свербел где-то в голове комар любопытства. И шла уже она мелкими шажочками: шагнет, прислушается, перекрестится. Снова шагнет.

Уже стоны слышались.

Вот и угол крайней избы, за которым шумное, с при-свистом, разносилось дыхание. Глянула Актинья, осветила в этот момент полная луна бледное лицо.

Вырвалось у Актиньи:

– Батюшки, барин!

Видела, как пятно расплзлось по животу под сюртуком. Блестели глаза болезненным блеском.

Всхлипы сжали горло Актинье. Упало коромысло вместе с ведрами, расплескалась вода.

– Кто здесь? – сорвалось с бледных губ раненного.

– Я, барин, Актиньей кличут. Из крепостных я. С Ростовской губернии, на заработки в Петербурх пришла, – затараторила баба, – не вели казнить, барин...

– Погоди, Актинья, подожди. Чую, близок конец. Страшно, бабонька, одному умирать. Хоть с тобой напоследок поговорить...

Дрожь била Актинью. Как тут не дрожать, когда впервые барин к ней, как к человеку обращается, а не как к скоту какому? Встала она на колени, обтерла руки о передник, положила голову барина на колени к себе.

Посмотрел на Актинью барин с благодарностью. Выпрыгнуло сердце ее с живота, куда от страха падало, в голове застучало, щеки краской залило. Девицей от этого взгляда почувствовала себя Актинья.

– Ты не молчи, бабонька, расскажи о себе хоть.

– Да, чаво ж рассказывать-то? Родилась я в деревне Бугры. Батюшку величали Архип, а матушку Марья. Хлебопашцами были. По десяти годков продал меня наш барин Уключников за долги Поверьеву. Оказалась я в деревне Сохино. По пятнадцати годков отдали меня за мужика, за Степана. Тоже крепостной был. Родила ему детишек двух. Манечку, да Игнатку... Да запорол его барин за горстку зерна, что не досдал. Так и овдовела...

Только, оброк никто не отменял... И детишкам пропитанье надобно. Вот и подалась я... Стряпухой тут нанялась. Когда дадут копейку, а когда поленом вдоль хребта расплачтятся... – задрожал голос Актиньи. Обида каленой кочергой хлестанула по душе. Смотрит она на раненого, что на коленях ее лежит, и, вроде не такой он, как другие. Добрый.

– А, что мужик твой, хорош ли был?

– Да, что? Мужик, как мужик. Разговором не балывал. Когда и кулаком стукнет. Не лютовал, и то ладно.

Вздыхнул на это барин, а Актиньи уже и ласка в его вздохе слышалась. Замирало сердечко. Пела душа. Уж и не думается, что не ровня она ему. Век бы так сидела. Ласковые речи слушала. Не замечала, как гладила щеки барина заскорузыми пальцами, улыбалась.

– Как ты-то, барин, оказался туточки? Какая нелегкая принесла? – спрашивала, а сама свой голос не узнавала. Казалось ей, будто это речушка по камушкам перекачивается.

– Вот точно, Актиньюшка, нелегкая... Мало у меня крепостных. Душ десятков, не больше. Какой оброк с них брать, когда все поля дождями этим летом затопило? И так, не выжить им в зиму. Решил сам прокормить. Да, не понравилось другим помещикам. Написали жалобу государю. Приехал я по вызову Его Величества Императора, да, видимо, мало этого оказалось... Схватили меня люди какие-то, приволокли сюда, здесь и порешили... Ты, прости, меня, да и всех, кто несправедлив с простым народом. Не чувствовал бы, что стынут уже ноги и руки, в жены б позвал. Хорошая бабонька ты, Актинья! – сказал и дух испустил барин.

Ревела Актинья, целовала бледное лицо. Даже имени не знала, а готова была рядом лечь помирать.

Занялось утро. Схватили Актинью. Допытывались. Судили. А она всё о детях своих думала, да о барине, что согрел

ее сердце горемычное, наполнил любовью в свои последние минутки.

АВТОСТОПОМ ЗА ГРАНЬ

Мы сидели на веранде загородного дома предков Виталика. Шашлык уже был съеден, вечер приятно холодил. Девчонки цедили вино, более крепкая часть компании хлопала вермут. Машка что-то строчила в углу на бумаге.

– Эй, Выгордская, харе там, – гоготнул Сэм.

– Минуту, мальчики! Я придумала кое-что классное! Повеселимся? – мурлыкнула наша заводила. Выкинуть она могла что угодно и в любой момент.

Вскоре Машка крикнула Витале тащить пару зариков и всем собраться.

– Что? Готовы проверить себя? Кому, слабо, прошу сразу идти в кроватку с бутылочкой и подгузниками! Игра будет для взрослых дядь и тетъ, – объявила Машка.

Дальше она рассказала, в чем будет заключаться принцип задумки. В первом столбике значились действия, которые мы должны были выполнить, во втором – что именно, в третьем – где это должно было произойти, а в четвертом – с кем. На исполнение год. Фото и видео отчет обязателен.

Интригующе. Отказавшихся не было.

Первым бросал зарики Виталя, как хозяин вечеринки. Ему выпало вполне безобидное – искупаться в Фонтанке

в Питере с Лизой голыми. Та повозмущалась, конечно.

Потом пришла очередь Сашки. Ему совсем не повезло. Я был рад, что не попал на его место. Представьте! Переспать с Сэмом! В прямом смысле! Этому бабнику светило стать, хоть на короткий срок, но голубком! Мы поржали, но смех отдавал нервозностью.

Дальше кидал я. Что вы думаете? Мне выпало ехать авто-стопом в Стамбул! С кем? С Машкой и выпало! Как быдлу? У меня своя «бэха»!

Возражений никто не слушал. Машка была рада. Авантюристка долбаная! Кому что выпало после меня, уже не следил. Пытался свыкнуться с участью.

Время шло. Я скрупулезно шерстил инфу о задрыпанной Турции. Из всего более-менее интересного, мельтешил только фестиваль тюльпанов в апреле. А на дворе был промозглый февраль. Машку, похоже, совсем не заботило. Она свалила в Рим со своими родаками до конца марта.

«Хорошо жить в Краснодаре! Проехать придется лишь 1900 километров!» – пытался я найти хоть каплю позитива.

К возвращению Машки наличка была заныкана в самые неожиданные места одежды, банковские карты теснились во внутреннем кармане, палатка, спальный мешок упакованы.

День отъезда настал. С утра всё шло кувырком. Лил дождь мы никак не могли поймать приличную тачку. В результате, доехали к вечеру до Туапсе на дребезжащем запорожце.

Боялся, что дно отвалится и мы побежим своими ногами, неся эту мечту свалки. Заночевали в пригородном мотеле, под маты соседей.

Утром голова раскалывалась, а тело было покрыто укусами. Подозреваю, что клопов.

В этот день мы добрались до Батуми, проторчав лишних три часа на границе с Грузией.

Долго объяснял на таможне, зачем спрятал доллары в резинку трусов. Поверили мне или нет, но переговаривались по телефону, подсовывая на подпись какие-то бумаги. Надеялся, что скажут поворачивать, но... Нам пожелали удачи в пути. Машка отделалась только легким флиртом. Умеет же договариваться!

Ночь мы провели в поле. Нас снова грызли. Комары. Ультразвуковые отпугиватели в топку.

После завтрака в придорожной кафешке, снова отправились в путь.

Турки, что интересно, в трусы мне не заглядывали, зато Машку обыскали с пристрастием. Вот и улыбочки. Я злорадствовал.

К четырем часам дня доехали до Офа. Народ тут был общительный, но моя

попутчица теперь сидела, уткнув взгляд в ноги и боясь сделать лишнее движение. Наверное, досмотр на границе ей не очень понравился.

А с Офа – опять лажа. Машина через пару километров

сломалась. Думали, быстро поймать другую, но трасса была пуста. Десять километров довелось топтать по жаре. В глазах темнело. Бил озноб.

Сердобольная семья сжалась, накормила. Спали до обеда. Зато в этот день проехали больше, чем в любой предыдущий. Остановились в Тосье. От местной пищи бегали по кустам.

Хотелось скорее покончить с этим приключением. Разбудил Машку еще затемно. Хотел уже добраться до этого чертова Стамбула. В общем-то, в этот день, мы и закончили наш путь. Но тюльпаны увидеть не удалось.

На въезде в Стамбул, перебегая трассу мы не рассчитали, что из-за автобуса может вылететь фура.

Последнее, что помню, это рвущий уши гудок, смешанный с визгом Машки. Успел подумать, что глупо вот так умирать, потом удар, хруст собственных костей, острая, рвущая боль, тьма.

Краснодар, утопая в цветах следил за похоронной процессией. Сын мера и дочь главного врача. Виталья, прощаясь с друзьями, незаметно сунул в гробы листик с заданиями и зарики.

ПОД ВЛАСТЬЮ ЗАКЛИНАНИЙ

Голову сжал обруч боли, пот струйками защекотал спину, сердце затрепетало, воробьем. Мери схватилась за вы-

ступ стены. Рука ушла внутрь, столкнув с места расшатанный камень. Зажав что-то в пальцах, девушка упала.

Аппарат попискивал, отмеряя редкие удары сердца. У кровати стояли два человека с халатами на ссутуленных плечах.

– Доктор Стин, она очнется?

– Летаргический сон не подвластен медицине. Наша задача, лишь поддерживать организм. Мозг активен, как у Вас или меня, но разбудить ее невозможно. Только время, только терпение.

Мери брела по темному подземелью, сжимая в руке пожелтевший клочок бумаги с обрывками фраз. Впереди слышалось властное бормотание. Оно опутывало, словно нитями и тянуло, вперед.

Вскоре воздух вокруг сгустился, сжал и, наконец выплюнул девушку в небольшое жилище.

Почти те же стены, сложенные из камня, но не уходящие на головокружительную высоту, а подпирающие грубые балки крыши. Спиной к Мери, у очага, бросая в котел какие-то порошки, стоял мужчина в поношенном пурпуэне и штанах-шоссах.

Мери оглянулась – позади нее была все та же каменная кладка стены. Мери передернула плечами и, вторя ей, единственная сальная свеча на столе затрепетала. В очаге заплясал огонь, сыпя сотнями искр.

Мужчина воздел руки к соломенному скату крыши:

– О, дух пришедший! Моею волей, твоею силой, пошли проклятье! Кто рвет войною, двух роз шипами, народ на двое! Пошли болезни, что в твоей власти, дворцу на горе!

Мери оторопела. Ее приняли за духа! Но она же вот, стоит! Для уверенности девушка потянулась к стулу. Рука скользнула сквозь грубую деревянную спинку.

Мужчина повернулся к ней. Во взгляде сквозил сумасшедший блеск. Руки потянулись к Мери:

– О, дух девы! Пошли болезнь!

– Простите, мистер, но я не умею вызывать болезни. Зачем это Вам?

– Чтоб сдохли все, кто ее развозит! – сквозь отрывистый хохот прокричал мужчина, – ты обязана исполнить мою волю!

– Не могу!

– Тогда уходи обратно!

– Но тут стена!

– Убирайся! – затряс кулаками ведьмак.

Мери, зажмурившись бросилась к стене.

Ветер гнал листья по узкой зловонной улочке. Девушка стояла, не зная, куда ей идти. Война? Две розы? Какой это век? Пятнадцатый? Хотелось назад, к отцу, но как найти подземелье, по которому пришла, она не знала.

Люди проходили мимо, сквозь нее, не замечая.

От дома к дому, от улицы к улице бестелесная фигура в больничной одежде искала хоть кого-то, способного ей по-

мочь.

– Эй, чего бродишь тут? Беду предвещаешь? – морщинистое лицо с белым чепцом на седых волосах могло бы упереться, будь Мери хоть чуть тверже воздуха. Старуха жамкала беззубым ртом, прищурив глаз с огромным бельмом.

– Простите, миссис! Я просто ищу хоть кого-то, кто поможет мне вернуться. Ничего я не предвещаю, я домой хочу... – девушка хлюпнула носом.

– Пошли, пока меня не приняли за умалишённую, – засеменила старуха, – я не знаю заклинания, которое могло бы вернуть тебя в твое тело, но знаю, кто поможет. Тебе нужно к королю! Да! К Генриху VII! Уж он-то знает!

Замок давил своим мрачным величием. Сквозняки завывали в каминных трубах. Король стоял у окна, скрестив на груди руки:

– С чего я должен помогать? Даже отплатить ты не способна нашему Величеству!

Мери брела по темным коридорам. Руки безвольно свисали, слезы катились из глаз.

– Стой, дух! Мое имя Вильям и я подслушал разговор. И знаю, где лежит книга заклинаний! – Мери догнал паж, – идем скорее!

Девушка поспешила следом и, чем дальше они шли, тем все меньше ей хотелось расставаться с этим парнем. Как он был не похож на тех, кто окружал в ее времени! Умное лицо, внимательные глаза, нежные губы, чуть прикрытые мягки-

ми усами. И при этом, крепкая фигура, которую не скрывал, а подчеркивал широкий табар.

«Я пропала!» – пронеслось в голове девушки.

Уже в библиотеке, куда привел ее паж, Мери не выдержала:

– Прости, это глупо. Я не знаю, что со мной, – и сделав глубокий вдох, выпалила, – хочу остаться с тобой!

– Тут ты всего лишь дух, – Вильям грустно улыбнулся, – я буду вспоминать тебя всю жизнь. Но ты должна вернуться в свое время.

Паж достал с полки книгу, обитую железными полосками. Найдя нужную страницу и начал читать заклинание.

В больничной палате пальцы Мери разжались, выронив смятый обрывок. Мужчина, сидевший у кровати бросился к двери:

– Доктор Стин! Она проснулась! Проснулась!

– Я хочу быть с ним! – еле слышно прошептали губы Мери

У РИСОВОГО ПОЛЯ

Солнце поднималось из-за холмов.

Кента стоял на склоне холма, слушая утреннее пение птиц.

Его рисовое поле из зеленого, на несколько минут, превратилось в розовое, как лицо соседа Сабуро после встречи с чашкой крепкого саке.

Мысли Кента неслись, белыми пушистыми облаками по синющему небосводу: о том, как созреет рис, он продаст его и, наконец, выдаст свою старшую, из трех дочерей, Такако, за доблестного самурая Ёсидо Ямадзи.

Ползал на другом конце поля, на толстом брюхе, розово-ликий, с самого утра, Сабуро.

Крался быстро, как смелый, крот, охотясь на молодую саранчу. Это была уже вторая, выловленная на своем и, отправленная на поле Кента, обжора. Сминалась ложбинкой насыпь между полями, под тяжелое сопение крестьянина. Перетекала, сладко журча, вода с поля соседа. Плакало рисовое поле Кента.

Но и другой сосед рыл аккуратную метровую канавку от поля Сабуро, посмеиваясь над охотником на саранчу.

Конечно, к осени, созревали только самые закалённые, жизнелюбивые кустики.

Пересчитывали крестьяне рисовые зернышки с каменным лицом и планами на месть.

Лишь на приданное Такако и хватало урожая Кента.

Накануне приезда жениха, выйдя посмотреть на ясный свет луны, увидел Кента тень, юркнувшую в комнату Такако. Бросился он следом, поймал за шиворот сына хитрого Сабуро, Кичиро. Назвал парень Такако своей женой.

Что делать? Повинился Кента перед самураем. Познакомил его со средней своей дочерью Айаям. Скромна девушка. Не опозорит отца. Пообещал Ёсидо Ямадзи приехать через

месяц.

Сидит Айаям, из дома не выходит. Доволен Кента. Таскает из закрамов Сабуро по горстке риса темными ночами. А что? Такако теперь жена его сына, пусть он ее и кормит! Тем более, та саранча, что Кента на поле соседа запускал, за слитую воду, снова у него оказывалась!

Прошел месяц. Снова канун приезда самурая.

Решил этой ночью крестьянин, что хочет, сам того не подозревая, Сабуро поделиться даже не одной, а двумя горстками риса.

Тихо было осенней ночью. Только дождь нашептывал что-то. Не мог понять Кента. Зато шорох за дверью средней дочери рассказал о многом.

Разлетелась под яростным напором касы тонкая дверь. Рухнул на извивающегося Кичиро.

Главное, ни зернышка не уронил. Вот она, ловкость! Не зря его тоже называли самураем в последней войне и подарили кетану.

Пришлось Кичиро и Айаям назвать своей женой.

Опять рвал волосы на жидкой бороденке Кента.

Утро заставило заняться крестьянина зарядкой – много кругов прошел Кента на коленях вокруг Ёсидо Ямадзи, счет потерял поклонам. Уговорил упрямого жениха воспылать чувствами к младшей своей дочери Юми. Вся надежда на молодые ее лета.

Снег уже посыпал уставшую землю. Пела вьюга колыбель-

ную долгими ночами.

Последнюю горстку риса нёс Кента от Сабуро. Довольно мурлыкало сытое брюхо. И не поймет крестьянин, урчание полного желудка разносится по дому или стоны за дверью младшей дочери. Вдруг плохо маленькой Юми? Распахнул двери встревоженный отец...

И снова перед ним бесстыжий Кичиро! Кетану бы в руки! Лишить любвеобильного кузнечика его гордости, да с прошлого года подперает верное оружие надломленную сакуру.

Опять, ухмыляясь, признает девушку женой. Ведь поле Кента теперь его полем будет! Некого больше предложить упертому самураю.

Больше не помогали ни поклоны, ни мольбы... Ревел извергающимся вулканом Ёсидо Ямадзи. Сказал, чтоб сам Кетан шел к нему, раз не дождались дочери, распустились лотосом раньше времени.

С холодным, словно кетана, в которой спряталась душа, сердцем, согласился крестьянин.

Настала ночь. Дрожа, горели многочисленные светильники в спальне самурая. Скинуто было кимоно.

Взглянул Кента ниже пояса Ёсидо Ямадзи, слезы выступили на глазах. По щекам побежали. Не простые слезы, от смеха! Тряслись стены, прыгало сердце.

Радовался Кента за дочерей беспутных. От чувств нахлынувших, от увиденного, не выдержала душа, вылетела со смехом.

Никто не достался самураю. Опозорился. «Вот хоть ха-
кири делай!»

Евгения Болдырева (@evgeniya.boldyreva)

ПОРТРЕТ

Монотонную суету холла прорезал крик:

– Где портрет? Я хочу, чтобы брат видел каждого актёр-ишку в этой студии!

Под взглядом начальства рабочие забегали, но спешили они не выполнить поручение, а скрыться из поля зрения.

До открытия оставался один день.

* * *

Нэнси в сотый раз сверилась с картой, нацарапанной на блокнотном листке. Получалось, что нужно свернуть с многолюдной улицы в переулок. Тёмный. Тихий. Совершенно непохожий на картинки из грёз.

Девушка переминалась у границы света, не решаясь выйти из-под надзора последнего фонаря, а шумная толпа равнодушно текла мимо.

Идея кинопроб в новой, никому не известной студии, больше не казалась Нэнси гениальной.

Она по очереди обтёрла пыльные мысы туфель об икры

в дешёвом капроне, одёрнула подол юбки, будто прикрытые колени могли добавить уверенности. Три судорожных вдоха на один протяжный выдох, и первый шаг в объятия липкой неизвестности.

Эхо вяло поприветствовало гостью, растянуло панический перестук шпилек по переулку и сомкнулось за спиной Нэнси, отрезая её от шума вечернего Голливуда.

* * *

– Это кто ж вас таким путём послал? – возмутился рыжеволосый мужчина, который минуту назад открыл для Нэнси двери студии, – Чёрным ходом только рабочие пользуются. Да и те не рискуют в одиночку по переулку ходить.

Под пристальным взглядом карих глаз девушка смутилась и только пожала плечами в ответ.

Мужчина усмехнулся:

– Вы либо очень смелая, либо глупая.

Нэнси почувствовала, как румянец обиды заливает щёки, и глянула на собеседника исподлобья. Тот торопливо вскинул руки в примирительном жесте:

– Но ни то, ни другое не помешает вам стать актрисой. Идёмте, я провожу вас.

Лабиринты подсобных помещений казались необитаемыми. Эхо, напугавшее девушку на улице, проскользнуло за ней в студию и теперь играло в прятки среди бесконечных двер-

ных проёмов. Нэнси быстро запуталась в поворотах, но её кареглазый проводник уверенно шагал вперёд.

Они вышли из серости технического этажа, поднялись по лестнице и попали в мир света и красок. Высокие потолки сверкали позолотой, со стен глядели зеркала в массивных резных рамах.

Нэнси наконец смогла вздохнуть полной грудью, и ощутила, как напряжение отступает.

Вот только, вопреки её надеждам, людей здесь было чуть ли не больше, чем на предыдущих кастингах.

Кто-то репетировал монолог, кто-то упражнялся в сценической речи. Один парень даже прошёл на руках через весь холл.

– Это безнадёжно, – прошептала девушка.

– Вы так неуверенны в себе?

Услышав шёпот за спиной, Нэнси вздрогнула. Не предполагала, что её проводник всё ещё здесь. Ну, а если быть совсем честной, думать о нём забыла, оказавшись среди всей этой роскоши.

Мужчина, однако, никуда не спешил.

Его пальцы, необычно тонкие и мягкие для простого рабочего, легли на её плечи, скользнули вниз, пощекотали нежную кожу возле локтей. Нэнси замерла, как парализованная.

– Вы настоящая, – продолжил кареглазый, – не такая, как все эти клоуны. В вас есть то, за что будут драться самые успешные режиссёры.

Дыхание тронуло мочку уха, качнуло непослушную прядь волос, обожгло шею.

– Что вы делаете? – хрипло выдохнула девушка.

– Помогаю вам. Не играйте эмоции. Просто вспоминайте.

Нэнси...

– Нэнси! Нэнси Хоуэл! – раздалось из-за двери, где проходили пробы.

Прикосновение рук исчезло, дымка рассеялась. На непослушных ногах девушка прошла через толпу своих соперников.

* * *

– Что ж, монолог вы выучили прекрасно, но что у вас с эмоциями? Сможете сыграть... влюблённость, например?

Члены комиссии явно скучали. Нэнси много раз видела такие взгляды на предыдущих пробах. Неужели снова провал?

«Не играйте эмоции...»

Шёпот воспоминания обжёг девушку, прогнав жаркую волну вдоль спины и до самой макушки.

Снова появилась хрипотца в дыхании, а волоски на руках встали дыбом.

Нэнси подняла дрожащие пальцы к шее, провела ими там, где несколько минут назад задержалось дыхание незнакомца.

Веки сами закрылись, под ласкающей тяжестью воспоминаний.

наний...

* * *

Она выбежала в холл, выискивая глазами рыжие всполохи.

Смогла! Справилась! Её взяли на роль!

Но сильнее успеха Нэнси волновало другое чувство. Робкое, ещё даже не рождённое, а только задумавшее родиться...

Девушка протискивалась между людьми, всматривалась в их лица. Мужчины нигде не было.

Отчаявшись, Нэнси поплелась к выходу, и там замерла, глядя на портрет напротив двери.

Табличка на золочёной раме – год рождения, год смерти...

Взгляд карих глаз с холста, и почти осязаемый выдох:

– Нэнси...

САМОРОДОК

Филиал наземный ада,
Яма грязи и камней —
Серра, клятая, Пелада
Манит золотом людей.

Здесь шахтёры днём и ночью
Размножают стрептококк.

Тихо бродит средь рабочих
Джонни – местный дурачок.

Он пришёл сюда мальчишкой
Пять годков тому назад.
Босоногий замухрышка,
Не старатель, а детсад.

Тащат золото из карьера,
Кто на грамм, кто на кило.
Только Джонни, вот холера,
Даже разу не свезло.

Так проруха за прорухой
Усмирили парню пыл —
То ли тронулся кукухой,
То ли просто приуныл.

Но однажды на закате,
Под финал шестой весны
Он заметил, вот те нате,
В камне отблеск желтизны.

В грязь упал среди трясины,
Поднатужился чужак,
И извлёк на свет из глины
Самородок аж с кулак.

Зыбкой грязи бок тягучий

Он огладил, как в бреду,
И решил на всякий случай
Спрятать золото во рту.
Тянет книзу подбородок,
Рот разявил, как удав.
Уместился самородок,
Но заклинило сустав!

Обомлел, таращит глазки,
Рукавом прикрыл руду,
И глядит не без опаски
На собратьев по труду.

С этих станется, отнимут,
И зубов не пощадят.
От сурового режиму
Сам Redentor им не свят.

Так что Джонни тихой сапой
Меж людей бочком-бочком,
Прикрывая грязной лапой
От рабочих злата ком.

Шустро выбрался из ямы,
Уцепившись за карчу,
И стремглав понёсся прямо
Он к знакомому врачу.

Чтоб достать окаменелость
Дёрнул доктор, что есть сил,
За заклинившую челюсть.
Бедный Джонни громко взвыл.

Приласкал по подбородку
Докторишку за труды.
Тот упал на самородок
Головой. И всё. Кранты.

ТУЗ ПИК

– Ваша карта? – спрашивает человек у входа, и пропускает меня, едва взглянув на мятый прямоугольник.

Бумага сделалась влажной от вспотевшей ладони. Да, я боюсь выпустить карту и даже на секунду потерять с ней контакт.

Почему? Откуда эта возбуждающая уверенность, что именно туз пик станет моим билетом в новый мир?

По лестнице спускаюсь медленно, сдерживаюсь от желания перескакать через ступени. Ни к чему привлекать внимание. Каждый здесь надеется, что его карта окажется козырем, но только один останется в трактире «36» после закрытия.

Сегодня это буду я. Должен быть я!

В зале всего пара свободных мест и три десятка знакомых

лиц. Одних приветствую кивком, к другим подхожу для рукопожатия. Марк сам поднимается из-за столика и спешит ко мне.

Он здесь старожил, и всё, что мы знаем о трактире, рассказал Марк.

Говорят, у него на руках была вся колода, но я не верю. Вернее, не хочу верить. Ведь тогда получается, что застрять в ЭТОМ Питере можно очень надолго, а у меня другие планы.

Обычно я знакомлюсь с новенькими, но сегодня сразу прохожу к столику. Какой смысл запоминать имена, если мне никогда не доведётся их произнести?

Последний гость занимает своё место, разговоры утихают. Мы ждём.

Тридцать шесть пар глаз смотрят на резную дверь. Тридцать шесть пар ушей пытаются различить за ней стук каблучков. Тридцать шесть человек замирают с единым желанием и единой надеждой.

Мари как всегда пунктуальна. Появляется, окружённая ароматом полыни, обводит взглядом присутствующих, произносит:

– Колода перетосована.

Начинаются долгие часы ожидания.

Мы пьём, едим, разговариваем. Делаем вид, что собрались ради чревоугодия и болтовни. Тем временем Мари ходит от столика к столику, и в свою очередь притворяет-

ся обычной хозяйкой трактира. Очень радушной хозяйкой, кто бы спорил.

Для каждого у неё находится нужное слово, многозначительное молчание или долгий взгляд. С Марком она выпивает на брудершафт и целую минуту шепчет что-то, касаясь грудью мужского плеча.

Меня это нервирует. Стараюсь смотреть в сторону и машинально комкаю влажную карту. Воспоминание возникает само собой.

* * *

Гудок паровоза раздражающим эхом заполняет здание вокзала. До отправления десять минут, а я стою возле ларька и жду, когда инфантильный старичок выберет себе газету.

– Игральные карты! – выпаливаю продавцу, как только до меня доходит очередь.

Деньги я приготовил заранее, увы, зря. Скрюченными артритом пальцами, мужчина принимается пересчитывать копейки, то и дело роняя монеты и начиная заново.

Раздаётся ещё один гудок.

– Вам нужны карты? Могу уступить свою колоду, она мне больше не нужна.

Голос раздаётся за спиной, и я почти врезаюсь в миловидную незнакомку. Отмахнувшись от моих извинений, она вынимает из сумочки бумажную коробку.

– Двойная цена. Берёте?

Её улыбка полна лукавства и вызова, а у меня в голове творится необъяснимое.

Как замороженный протягиваю незнакомке монеты, забывая о тех, которые отдал продавцу.

Моя опустевшая ладонь замирает в ожидании, но дальше происходит нечто невероятное.

Женщина шагает вперёд, так что наши губы оказываются совсем рядом. Её грудь касается моего тела, тёплые пальчики ложатся на предплечье и вычерчивают на нём круги.

Ни одна женщина, с которой я был близок, не позволяла себе подобного на людях. От этого ли, или от дурманящего аромата её духов, чувствую, как деревенеют ноги.

– Ты авантюрен, и ты мне подходишь. Приходи тринадцатого в полночь. Не опаздывай.

Колода карт скользит в задний карман моих брюк, и прежде, чем я успеваю что-то сказать, незнакомка исчезает.

Позже, сидя в купе, я нахожу на коробке адрес трактира, а в самой колоде одну чёрную карту.

Мою первую.

Десятку трэф.

* * *

Вязкая вата воспоминаний отпускает неохотно. Неужели

задремал?

Зал почти опустел, расходятся последние гости, а я так и не узнал, чья карта сегодня сыграла.

Пытаюсь встать, но на плечо ложится рука. Мари!

– Не торопись. Сегодня трактир для тебя работает всю ночь.

* * *

Мари ведёт за собой по каменному коридору, а я слышу стук собственного сердца. Поворот, ещё один. Сколько их отделяет меня от новой жизни?

Запястье жжёт под тонкими пальчиками. Интересно, Мари пойдёт со мной в тот другой Петербург? Теперь, получив свой пропуск, могу ли я надеяться на исполнение ещё одной мечты?

Узкая темнота внезапно кончается и остаётся за спиной. Мы в большом зале. Светлом, высоком, пугающе гулком. Я шурю, и не сразу замечаю, что здесь есть кто-то третий, но он обозначает своё присутствие:

– Ты заставляешь ждать себя, девчонка! Дай мне пропуск!

Я протягиваю измятый туз пик, но Мари мягко отводит мою руку. Снова, как тогда, чувствую прикосновение её тела, слышу запах полыни, пытаюсь понять слова:

– Карта привела тебя сюда, но дверь между мирами открывает не она. Ты...

Что-то отстрое вонзается в мой живот, взрывая долгожданную эйфорию нестерпимой болью. Вижу, как трескается камень и открывается проход там, где разлилась кровь. Меня это уже не касается. Сжимаю в ладони туз пик.

Он навсегда останется со мной в этом Петербурге.

В ОДНОМ ЗАКАТЕ ОТ СЧАСТЬЯ

«Неслыханная вольность! Целовать меня до разрешения отца на брак!»

Делла Уортон приложила пальцы к губам, отметила, как сильно они опухли и рассмеялась. Мысленная отповедь не имела ничего общего с настроением девушки. Ей хотелось кружиться, кричать о своей радости, и как можно скорее снова обнимать Уильяма.

«Завтра я стану невестой! Наконец-то отец будет мной доволен!»

Нестись к дому наперегонки с ветром не позволяло воспитание. Дурацкие нормы приличия! Разве возможно держаться строго, когда сердце от счастья бьётся вдвое чаще?

Обычно после вечерней прогулки Деллу встречала её кормилица Пэм, но сегодня дорожка, ведущая к поместью, оказалась пуста.

Но девушка только обрадовалась возможности ещё несколько мгновений единолично наслаждаться красочными грёзами.

За дальним холмом солнце спрятало последний луч. Делла улыбнулась уходящему дню и толкнула массивную дверь.

Несколько пар глаз уставились на девушку. Самым мрачным был взгляд её отца, Гарольда Нортона.

– Что случилось? Кто все эти люди? – спросила Делла, всматриваясь в незнакомые лица.

– Посланники Его Величества Генриха VIII, – не скрывая отвращения, протянул Гарольд, – завтра ты станешь женой одного из них.

Тугой комок паники зародился где-то в области живота и принялся расти. Захотелось выйти за дверь и бежать изо всех сил к роще, где её целовал Уильям.

Вспомнив о молодом человеке, Делла бросилась к отцу и упала перед ним на колени.

– Папа, Уильям хочет жениться на мне! Завтра он придёт просить твоего разрешения. Прошу, пожалуйста, не отдавай меня им!

Гарольд Нортон презрительно посмотрел на дочь и выхватил руку из её ладоней.

– Думаешь, ради твоей прихоти я откажу королю? Иди наверх и собирай вещи. С рассветом ты покинешь Скиптон, чтобы стать женой маркиза Николаса Уинбрука.

Мужчина за спиной отца коротко кивнул девушке. Видимо это был он, тот самый маркиз. Её жених и будущий муж.

Мягкие руки Пэм помогли Делле подняться, и безвольную увлекли к лестнице. Голос кормилицы нашёптывал что-

то успокаивающее, но девушка не разбирала слов. Только послушно переставляла ноги, в последний раз поднимаясь в свою комнату.

* * *

Делла плакала с тех пор, как прошло оцепенение. Перебирала варианты побега и самоубийства, но для первого не было возможности, а для второго смелости.

Внезапно ей почудились шаги на лестнице.

Первое недоумение сменилось надеждой:

«Это Уильям! Он всё узнал и хочет спасти меня!»

Подбежав к двери, Делла распахнула её, и оказалась в руках маркиза.

Не дожидаясь криков, мужчина закрыл ладонью рот девушки, втолкнул в комнату и зашептал:

– Будете кричать, мне придётся стукнуть вас по голове и лишить сознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.